

Литературная газета

№ 32 (595)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 5 июня 1936 г.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

1—4 июня 1936 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б). Пленум рассмотрел следующие вопросы:

- 1) Проект Конституции СССР (докладчик т. И. Сталин).
- 2) Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках (докладчик т. Чернов, Каланович, Микоян, Капелан).

Соответствующие резолюции приводятся ниже.

Кроме того Пленум рассмотрел в текущих делах вопрос об обмене партийных документов и поручил Оргбюро ЦК выработать на основе сообщений т. Ежова и предложений т. Сталина постановление по вопросу о порядке приема в члены партии и разбора апелляций исключенных из партии при проверке документов.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. СТАЛИНА, принята 1 июня 1936 г.

а) Одобрить в основном проект Конституции СССР, представленный Конституционной комиссией ЦИК Союза ССР.

б) Ввиду особой важности вопроса считать целесообразным созыв Всесоюзного Съезда Советов для рассмотрения проекта Конституции СССР.

Резолюцию пленума ЦК ВКП(б) об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках читайте в сегодняшнем номере «Правды».

ХОРОШЕЕ НАЧИНАНИЕ

Недавно в зале Большого Кремлевского дворца, где собираются вместе с руководителями партии и правительства лучшие люди нашей великой страны, происходило несколько необычное совещание. Со всех концов огромного Советского союза съехались жены командиров промышленности и инженерно-технических работников.

Совещание жен командиров промышленности и инженерно-технических работников наглядно показало партии, правительству и всей стране, какой новый источник культурных сил, какой мощный отряд влился в ряды активных строителей социалистического общества.

Организаторы этого беспрецедентного в истории движения с трибуны Кремлевского дворца рассказали о своей работе, которая заключалась в организации культурного досуга жен рабочих, обслуживания школ и детских учреждений, рабочих клубов, предпринятии общественного питания, библиотеки и т. д.

Движение активисток-общественниц жен командиров тяжелой промышленности пролило горячую любовь к нашей социалистической родине, к партии и ее вождю — великому Сталину, под чьим руководством страна прошла путь блистательных побед.

«Вместе со своими мужьями, — писали в обращении жены командиров промышленности, — со всем народом мы будем строить светлое будущее. Озелененный, веселый рабочий поселок, хорошо поставленная столовая, радостный детский смех, здоровые матери, дарующие стране богатей, — разве ради всего этого не стоит работать, не покладая рук?»

Призыв инициаторов движения был услышан женой работников других отраслей нашего хозяйственного и культурного строительства.

Однако в ряде отраслей культурного строительства это движение развигивается медленно. Сегодня мы публикуем телеграмму из Ленинграда, в которой сообщается о том, что жены ленинградских писателей включаются в общее движение патриоток социалистической страны, активные борцы социалистического общества.

Движение жен писателей должно сыграть большую роль в оздоровлении быта и жизни всей писательской среды.

Интересность писательской разносторонней общественной работы широко известна. Общественная зажиточность, почти полное отсутствие самостоятельности характеризуют эту обстановку, в которой работают писательские организации. Издатель не трогает целина, непочтительный край работы и для жен писателей и для самих писателей.

Культурно-просветительная и материально-бытовая работа группировки писателей при издательствах поставлена далеко не удовлетворительно. Мы имеем, к сожалению, только единичные случаи, когда в комсомольских группировках принимают участие жены писателей. А между тем объединение жен писателей могло бы двинуть эту работу по-настоящему. Литфонд ССР СССР оторван от широкой писательской общественности, а между тем Литфонд ведет, по сути дела, все материальное и культурно-бытовое обслуживание членов и кандидатов Союза советских писателей. Медицинское обслуживание членов ССП и их семей, санатории, курорты, дома отдыха, детсады, детдома — вся эта большая работа проводится главным образом аппаратом Литфонда. Жены писателей, за редким исключением, не знают, какие недостатки в домах отдыха писателей и почти никакого участия не принимают в культурно-просветительной деятельности, проводимой писательскими домами.

Жены инженеров и директоров заводов и предпринимателей тяжелой промышленности сумели организовать в домах специалистов культурно-бытовое обслуживание, сумели превратить жилые дома в центры борьбы за культуру.

Семьи писателей живут разобщенно, мало интересуясь жизнью своих товарищей по перу.

Вот почему мы приветствуем начинание жен ленинградских писателей, желающих активно включиться в общее движение. Движение жен писателей, мы уверены, примет широкий размах и распространится на все периферийные организации. Инициативу ленинградок должна в первую очередь подхватить Москва.

Москва должна возглавить это движение так, чтобы с нее брали пример другие организации. Однако писательская общественность Москвы, к сожалению, во многом еще отстает. Вся страна обсуждает проект постановления правительства о запрещении абортов и ряде мероприятий, связанных с этим важнейшим законопроект; ленинградок, как это видно из публикуемой нами сегодня телеграммы, уже обсуждали законопроект, а в Москве и других республиканских центрах, видимо, еще только собираются приступить к его обсуждению.

На всеобщем совещании жен командиров промышленности и инженерно-технических работников было принято предложение об издании специального журнала, освещающего жизнь и работу жен хозяйственно-инженерно-технических работников. Писателям необходимо активно сотрудничать в новом журнале.

Социалистическая революция раскрепостила от векового угнетения женщину. Равноправная член общества, активный участник всех наших боев и побед, женщина идет в ногу со всей страной, строя радостную, счастливую и веселую жизнь. Она хочет видеть себя на сцене театра, в художественном произведении. Пусть наши художники расскажут о ней, о героине социалистической революции.

ИНИЦИАТИВА ЖЕН ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

От нашего ленинградского корреспондента.

2 июня в Доме писателя им. Маяковского состоялось заседание правительственного законопроект о запрете абортов, помощи рождению, расширении сети родильных домов, яслей и т. п.

В обсуждении активного участие приняли жены ленинградских писателей. Они внесли ряд поправок к законопроекту. В речах выступавших подчеркивались задачи литературы в художественном показе радости материнства.

На совещании принято решение об организации общественной работы жен писателей.

3 июня И. Слонимскую, З. Никитяну, Н. Семенову, Севрину, М. Марвицу, Савину и других членов инициативной группы приняла председатель Дзержинского районного совета. В двухчасовой беседе намечены формы работы. Среди других мероприятий намечено прикрепить к жен писателей к культурно-бытовой секции районного совета.

10 июня на общем собрании жен писателей Ленинграда состоятся выборы совета жен писателей, а также делегатов на районную конференцию жен специалистов.

ПУШКИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Календарная редакция Союзкизгот готовит к печати Пушкинский литературный календарь под редакцией Б. М. Волгина.

В июне календарь будет сделан в печать и выйдет в конце этого года. Это первый литературный календарь, издаваемый в СССР.

Календарь будет представлять собой альбом-шестидесятидневку. Содержание его такое: хронология жизни и творчества А. С. Пушкина, избранная иконография и другая иллюстративная материал, отрывки из произведений поэта, избранные пушкинские мысли и замечания, высказывания о Пушкине виднейших критиков и писателей XIX века и краткие заметки, посвященные отдельным проблемам — произведения Пушкина, этапам его жизни и пр.

Все иллюстрации увязаны с датами, помещенными на листах.

ЗАВТРА 137-Я ГОДОВЩИНА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

Андрэ Жид о великом поэте

Андре Жид в последние годы много работал над Пушкиным. В 1923 г. вышел перевод «Школьной дамы», сделанный А. Жидом совместно с И. Шифриным, в 1935 г. изд. во «Nouvelle Revue Française» выпустила «Повесть Белкина» в двух томах перевода.

Предисловие А. Жид к переводу «Школьной дамы» интересно во многих отношениях. А. Жид указывает, что творческий облик Пушкина должен быть французским читателем прежде всего своим несомненным тому представителем о русской литературе и о «русском национальном характере», которое должно было возникнуть у него по более известным во Франции классикам русской литературы. Цитируя высказывания Достоевского о Пушкине, он считает особенно характерным и главнейшим утверждение Достоевского о «особенности Пушкина, его, условно говоря, интернационализме как черты глубокой русской национальности. Давая характеристику пушкинского творчества, А. Жид между прочим говорит:

«В большей части пушкинских произведений все — ясность, гармония, чистота, ясность, всякого покоряющего сердце величия; по глубине, даже доказатель, немного — дикая любовь ко всем радостям, ко всем наслаждениям жизни, омытая, впрочем, строгостью форм, которой требовал свойственный ему культ прекрасного».

В этом же предисловии, а также в статье о работе над переводом «Повести Белкина» («Nouvelle Revue Française», апрель 1935 г.) содержатся интересные замечания А. Жид о переводах «Школьной дамы» и «Выстрела», сделанных в свое время Мериме. Подчеркивая несомненные достоинства этих переводов, А. Жид, однако, упрекает Мериме за совершенно сознательное, «приспосабливание» к недостаточному знанию о русском языке, приукрашивание пушкинского стиля «предельно изощренными и до предела вычужденными» оборотами и «дополнение» — говорит А. Жид в предисловии к «Школьной даме», «сблизил Мериме при этом остроты этой повести».

А. Жид показывает, какие добавления к пушкинскому тексту делал Мериме. Фраза: «в одном (оке) увидел он черноту оловянную, наклоненную, вероятно, над киндой или работой» («Школьная дама», гл. II), оказалась «обогаченной» двумя вставками: о волосах Лиам сказано «прекрасные» (beau), наклоняется она над киндой «грациозно». Фраза «графиня... ослепала так же долго, как же старательно, как ласково, как же старательно» («Школьная дама», гл. II), Мериме передает так: «она ослепала так же долго и с такой же роскошью, как шеголика прошлого столетия» и т. п.

В статье, напечатанной в «Nouvelle Revue Française», А. Жид приводит много подобных примеров. С другой стороны, Мериме, как это показывает А. Жид, ослепал выражения, казавшиеся ему «недостаточно выразительными» (т. е. в данном случае стихом реалистическим и точным): так, например, там, где Пушкин пишет «воплотился», Мериме переводит «суживал» и т. д. Изучив перевод своего предшественника, А. Жид приходит к выводу, что «стих по сравнению с выразительным стихом писателя этой эпохи стих Мериме может казаться нам столь простым. Наоборот, ясность Пушкина его ослепляет».

Переводы А. Жид являются, без сомнения, крупным вкладом в дело ознакомления французского читателя с Пушкиным, все еще недостаточно оцененным на Западе.

ПУШКИН В ЧЕХОСЛОВАКИИ

К предстоящему юбилею Пушкина одно из крупнейших чехословацких издательств «Мелантрик» подготовило четырехтомное собрание сочинений Пушкина. Переводы лирических стихов сделаны главным образом поетом Петром Кришчак, который уже давно публикует в чешской периодике свои переводы отдельных стихотворений Пушкина. «Евгения Онегина» перевел известный чешский поэт и профессор западноевропейских литератур, переводчик Гете, д-р Откар Фишер. Перевод «Медного всадника» сделал проф. Богумил Матеусом.

Сказки Пушкина в новом переводе на чешский язык полностью появились еще в 1932 г. в пракском издательстве «Отто», составив 160-й том серийного издания сборников мировой поэзии. В этот том вошли «Царь Салтан», «Сказка о мертвой царевне», «Золотой петушок», «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о попе и работнике его Балды». Переводы этих сказок исполнены были престарелым Франтишком Таборским, переводчиком и некоторыми другими русскими поэт. Франтишек Таборский — автор книг и статей по русскому пластическому искусству. Переводы пушкинских сказок чешская критика относит к выдающимся явлениям переводного мастерства.

В 1935 г. некоторые из сказок Пушкина в чешских переводах вошли в сборник «Мир сказок», составленный Востехом Зелинкой и выпущенный пракским издателем Яном Лайтером.

Монографии о Пушкине

В Пражской славянской библиотеке работает в настоящее время доктор педагогического университета А. Мюни, автор монографии о «Борисе Годунове», изданной в Риме в 1935 г.

А. Мюни собирает материалы для будущей монографии «Пушкин и итальянская культура».

Д-р Отто Вонкович пишет монографию об отношении Пушкина к славянскому фольклору.

«Пушкин лиристы». Рисунок карандашом В. Фаворского. Выставка иллюстраций и художественной литературы за пять лет.

6-е июня в Москве

Завтра 6 июня Бауманский район, как и прежде находившийся дом, в котором родился Пушкин, празднует 137-ю годовщину со дня рождения поэта.

На месте пушкинского дома строится школа имени Пушкина, на которой будет установлена мемориальная доска. Традиционный митинг памяти Пушкина состоится у строящегося головку, наклоненную, вероятно, над киндой или работой» («Школьная дама», гл. II), оказалась «обогаченной» двумя вставками: о волосах Лиам сказано «прекрасные» (beau), наклоняется она над киндой «грациозно». Фраза «графиня... ослепала так же долго, как же старательно, как же старательно» («Школьная дама», гл. II), Мериме передает так: «она ослепала так же долго и с такой же роскошью, как шеголика прошлого столетия» и т. п.

В праздничные пушкинские годовщины участвуют все крупнейшие предприятия, общественные и культурные организации района.

«Правительство великой страны чтует память Пушкина как создателя русского литературного языка» («Правда» 17/XII 1935 г.). Этот лозунг прозвучит у театра Бауманского сада, где в ознаменование 137 годовщины со дня рождения великого поэта 6 июня проводится «День Пушкина».

Вход в сад — большой портрет, а на голубом полотнище — бесмертные строки поэта:

И долго буду тем любей я
небось,
Что чувства добрые в нем льной
пробуждал,
Что в мой жестокий век
восставил я свободу
И милость к падшим призывал.

В саду, у памятника Баумана, уже с 3 июня проводятся беседы о Пушкине.

Завтра такие беседы будут проведены в четырех углах сада, а на астралинской сцене состоится вечер в доказательство о творчестве Пушкина и концерт из произведений на тексты Пушкина.

На крупных предприятиях Бауманского района организуются вечера, собеседования и читки произведений Пушкина.

На заводе ЦАГИ, на машиностроительном заводе на фабрике Мосбеля № 1 им. Кавказовца, в Московском институте химического машиностроения, на предприятиях района также вечера уже состоялись.

Одновременно заводских микротраж Бауманского района печатают «Пушкинские странички».

Две таких странички уже выпущены микротражками — пушкинскими — им. Микояна и Московского Рентгеновского завода.

Газета «Микротраж» предполагает периодически повторять пушкинские странички в порядке подготовки к годовщине. Содержание первой странички составляют — отрывок из ступенчатой статьи А. В. Луначарского к полному собранию сочинений Пушкина, биографическая справка о поэте, несколько стихов и эпиграм Пушкина и стихотворение Лермонтова «На смерть поэта».

Пушкинская страничка «Рентгенова» более оперативна. Редакция дает несколько заметок читателей под заголовком: «За что мы любим Пушкина», сообщает о предстоящем 5 июня пушкинском вечере на заводе.

ПУШКИН В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

К пушкинскому юбилею готовится монументальное издание: «Пушкин в изобразительном искусстве» под общей редакцией И. К. Лупола. В редакционную коллегию входят И. Э. Грабарь, П. И. Лебедев-Полянский, М. А. Цыловский, В. Я. Кирпичин, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, Г. А. Гужовский, А. М. Фролов и др. Издание это должно включать в себя все пушкинскую иконографию: автопортреты, автоиллюстрации, прижизненные и посмертные портреты Пушкина и иллюстрации к его произведениям. Все издание рассчитано на три тома, из которых первый посвящен прижизненной пушкинской иконографии, второй охватывает 1837—1917 гг., а третий — советский период.

приводит список литературы о Пушкине, а также произведения Пушкина, написанные в заводской библиотеке. Страницы открываются отрывком из стихотворения Маяковского «Облиденное».

Детский дом культуры Бауманского района проводит 5—7 июня в Бауманском парке утренники, посвященные 137-й годовщине со дня рождения Пушкина.

Парк оформляется полотнищами со стихами из стихов поэта и большими его портретами. На астралинской сцене состоится беседа о жизни и творчестве Пушкина, а затем рецитал из Дома культуры прочтут стихи Пушкина и исполнят музыкальные произведения на слова великого поэта.

Библиотека Детского дома культуры открыла 2 июня выставку, посвященную жизни и творчеству Пушкина, и небольшую выставку фотографий о картин, написанных о Пушкине.

5 июня в детской читальне была проведена викторина на темы из произведений Пушкина.

Свыше 50 ребят примут участие в митинге, устраиваемом в Бауманском районе.

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького устраивает завтра массовое гуляние, посвященное А. С. Пушкину.

Атлет и площадки парка украшаются портретами, лозунгами, текстами из произведений поэта. У входа в парк на куразе устанавливается большой портрет Пушкина. По сторонам портрета — цитаты из постановлений правительства о создании юбилейного Пушкинского комитета и отрывки из стихотворения «Памятник».

Торжественное заседание памяти Пушкина состоится в Зеленом театре под председательством заместителя председателя областного комитета наркомпо по просвещению А. С. Бубнова, который выступит с речью о творческом пути Пушкина и о значении его поэзии для нашей эпохи. Затем выступят писатели и поэты. Вечер закончится большим концертом, при участии заслуженной артистки Республики Е. Гоголевой, солистки ГАБТ М. Баратовой, Б. Захаровой, П. Селаднова и В. Духовской.

Пушкинские вечера и беседы о Пушкине будут проведены и на других площадках парка — в кульбазе, на симфонической и самодеятельной эстрадах.

На территории парка 15 квалифицированных пушкинщиков проведут консультацию на тему: «Что читать о Пушкине», «Пушкин в школе», «Биография Пушкина», «Пушкин и его современники», «Поэзия и проза Пушкина» и т. д.

Беседы о жизни и творчестве великого поэта намечается провести также в летнем парке. Эти беседы будут иллюстрироваться чтением сказок и стихотворений Пушкина.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПУШКИН

Письмо из Ленинграда

Дом писателя им. Маяковского уступил, под председательством академика А. С. Орлова, обсуждение VII тома академического собрания сочинения Пушкина.

Седьмой том надо рассматривать как пробный том всего академического издания, которое, являясь грандиозным литературным памятником гениальному поэту, должно подвести итоги огромной работы советских пушкинистов.

Не случайно сообщение проф. Ю. Г. Оксмана на собрании в Доме писателя превратилось в обзор научения Пушкина чуть ли не за целое столетие, ибо без этого трудно понять колоссальную работу, проделанную советской наукой.

Достаточно сказать, что старые, дореволюционные издания Пушкина, в том числе и так называемые «академические», не только отражали убогие и неинтересные взгляды отдельных редакторов, но каждый том к моменту своего выхода оказывался устаревшим. Дело в том, что как только поныне описания рукописей Пушкина и пушкинской библиографии отсутствовали, и тогда том был уже отпечатан, обнаруживались серьезные пропуски, забытые рукописи и т. д.

Три тома научного описания пушкинских рукописей и три тома пушкинской библиографии, составленные советскими учеными, были своего рода лесами для стройки подлинного академического собрания сочинений. Мы не говорим уже об огромных успехах советских текстологов, работу которых даже трудно сравнивать с работой старых русских текстологов.

Седьмой том академического Пушкина, как указал его редактор Д. П. Якубович, пришлось «строить на ровной площадке». За все столетие театр Пушкина ни разу не был выдан полностью. В этом томе впервые даны варианты ряда основных драматических произведений Пушкина.

Методы публикации текстов, вариантов, тип комментариев и т. д. — все это является результатом долготрудных трудов, многочисленных дискуссий в среде пушкинистов.

Широкое обсуждение первого вышедшего тома академического собрания очень важно и для дальнейшей работы его редакторов и сотрудников.

ПУШКИН НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Грузинская «Литературная газета» издавала в 1934 г. «Школьную даму» в переводе Михаила Патаридзе. Издательство «Федерация» выпустило «Избранные поэмы Пушкина» на грузинском языке, куда вошли: «Цыганы», «Кавказский пленник» и «Братья разбойники» в переводе Варлам Рухадзе. В 1935 г. вышел в роскошном издании «Евгений Онегин» в переводе Григора Цехидзе. На обсуждении этого издания, организованном союзом писателей Грузии, выступавшие отмечали высокое качество перевода.

Сосизат Грузии готовит издание «Капитанская дочка» в переводе Дадия и «Ночь в вешнем Олесе» в переводе В. Гаприндзяшвили.

Тифлисский университет издает драматические отрывки и лирику Пушкина в переводе поэта-орденоносца П. Яшвили. Переводы Яшвили стихотворений «Анчар», «Утопленник», «Зимний вечер» и др. уже появились в периодической печати. П. Яшвили будет работать также над переводом «Бахчисарайского фонтана», «Солтаны», «Цыганы», «Графа Нулина» и других поэм Пушкина. К столетию гибели Пушкина П. Яшвили подготовит новый перевод «Евгения Онегина».

Сосизат Армении предпринял издание избранных сочинений Пушкина в пяти выпусках. Первый выпуск — «Драматические отрывки» — вышел еще в 1934 г. В него вошли: «Лирное время чумы», «Скуной рыбарь», «Моцарт и Сальери» и «Каменный гость». Переводы принадлежат Тиграну Ахумяну. Ахумян строго придерживается сохранения пушкинского размера, ритма, построения стиха, но в жертву этому принципу, как отмечалось уже в печати, принесена легкость и звучность стиха. Последующие выпуски включают следующие произведения: «Евгений Онегин», четвертый — «Избранные поэмы» и пятый — «Сборник избранных стихотворений».

Сосизат Азербайджана издал в 1935 г. «Бориса Годунова» в переводе на тюркский язык Орду-Балды. Кроме того на тюркском языке вышли: «Бахчисарайский фонтан» в переводе Орду-Балды, «Повесть Белкина» в переводе Фендишева, «Капитанская дочка» в переводе Джавада, «Цыганы» в переводе Мошфиша, «Сказка о рыбаке и рыбке» в переводе И. Хикмета, «Дубровский», «Арап Петра Великого» и «Станционный смотритель». Азербайджанские писатели продолжают работать над переводами Пушкина. Поэт-орденоносец Самед Вургуни готовит перевод «Евгения Онегина». Рагим — «Кавказского пленника». Закавказья печатанием на тюркском языке «Золотой петушок» и «Сказка о царь Салтане».

Сосизат ССР Азербайджана издал в этом году иллюстрированный двухтомный перевод Пушкина на тюркском языке. В первый том входят «Борис Годунов», «Бахчисарайский фонтан», «Гаврилада», «Капитанская дочка» и более 40 лирических стихотворений в переводах Рагима, Мюшфиша и Фезви. Во второй том войдут «Евгений Онегин», «Медный всадник», «Моцарт и Сальери», «Школьная дама», «Дубровский» и др.

В течение 1936 года выйдет на тюркском языке том статей Белинского о Пушкине.

Польские переводы Пушкина

За последнее время в Польше наблюдается значительный интерес к Пушкину. Самым деятельным переводчиком и пропагандистом пушкинской поэзии в Польше является известный польский поэт Юлиан Тувим, автор мастерского перевода «Медного всадника», выпущенного в 1932 г. варшавским издательским институтом «Библиотека Польска». После «Медного всадника» Тувим перевел и печатал в разных журналах целый ряд стихотворений. Стихотворения эти в скором времени должны выйти отдельным томом.

В настоящее время Тувим работает над переводом «Руслана и Людмила». В статье «Четверостишие на стане», напечатанной в конце 1934 г. Тувим, анализируя пролог к «Руслану», говорит о специфических трудностях, возникающих при переводе русских стихов на родственный славянский язык.

В самое последнее время в качестве переводчика Пушкина выступил молодой польский поэт Влазимерж Слюбоцкий, закончивший стихотворные переводы «Домик в Коломне» и «Моцарт и Сальери». Переводы эти в печати еще не появились, но были прочтены автором в литературном клубе под названием «Домик в Коломне», недавно открытом в Варшаве.

6 июня в Пушкинском районе, Калининской области, состоится районный праздник в пушкинском заповеднике — с Михайловское — «Седьмой юбилей» — «Евгения Онегина», четвертый — «Избранные поэмы» и пятый — «Сборник избранных стихотворений».

В селе Михайловском

Рабочие-читатели живо откликнулись на выход VII тома. Замечания мастера завода «Светлана» т. Елисеева об этом издании заняли целую тетрадь. Много отзывов о VII томе академического Пушкина можно найти в пушкинской анкете, проведенной среди рабочих завода «Электронприбор». В отличие от читателей рабочих продолжают «хранить молчание в важном споре» ленинградские (да и московские) литераторы.

Обсуждение седьмого тома в Доме писателя было проведено Пушкинской комиссией ЛенСОП совместно с Пушкинской комиссией Академии наук СССР. По существу это было первое серьезное и конкретное мероприятие ЛенСОП писателей по подготовке к пушкинским дням, но, скажем прямо, похвастаться итогом нельзя. На собрании пришли главным образом литераторы, работающие над Пушкиным и сотрудничающие в академическом издании. И опять таки, как и на прошлых пушкинских вечерах, литераторы отсутствовали. Чувствуя неловкость своего полного отсутствия, на собрании робко выступил поэт Вс. Рождественский, а два критика посидели, помолчали и ушли, как только началось обсуждение.

Обсуждения не получилось. Если бы считать, несколько замечаний преимущественно технического порядка. Только Н. Свирина попытался развернуть критику VII тома. Упреки т. Свирина относились главным образом к авторам комментариев, занимающих в томе большое место.

— Несмотря на общность комментариев — говорит т. Свирина, — в статье о «Борисе Годунове», на 120 страницах убоистого текста, социальная проблематика уделена... 4 странички.

— На целый ряд вопросов, затронутых в комментариях, — указывает т. Свирина, — можно найти ответ у классиков марксизма. Но авторы комментариев упустили это из вида.

«Это серьезная ошибка, потому что, получив советское академическое издание Пушкина, мы чувствуем себя переубежденными, или, как заметил Вс. Рождественский, читая академическое Пушкина, мы видим не только тексты, к которым привыкли со школьной скамьи, но Пушкина, прочтенного охотой».

Б. РЕСТ.

О ЛИЦЕЙСКИХ СТИХАХ ПУШКИНА

Ю. ТЫНЯНОВ

1. «К ДРУГУ-СТИХОПИСЦУ»

Первое стихотворение Пушкина, появившееся в печати (1814), «К другу-стихотворцу» — обращение к Кюхельбекеру. Мне пришлось указать на то, что аргументация Пушкина, отговаривающего Кюхельбекера от профессии поэта, отчасти напоминает аргументацию, приводимую в письмах Ю. Я. Кюхельбекера в сына в лицей.

В рукописном лицейском «Словаре» Кюхельбекера находим две заметки, несомненно являющиеся полемикой с пушкинскими стихотворениями. Обе выписки следуют одна за другой:

Поэт. Геройство или дурачество Стихотворцев, если они находятся в бедности, заставляя их говорить своей Музе точно так, как говорил Агриппина с своим сыном, когда ей предлагали, чтобы она умерла его рукою: — Mors tua modo legit.

Прирок.

Прирок только что хотел войти в комнату азиатского Господина в то время, как сей отворил двери и чтоб сопроводить другого великодуха. Гость остановился из учтивости, чтоб пропустить П. — «Не останавливайтесь, сударь, сказал хозяин, этот Господин ничто иное, как поэт». — Теперь знает, кто я, ответил Прирок. «Я поэтлу вперед по своему чину».

Одним из главных аргументов Пушкина была бедность поэта: Не мнишь ли, что в тебе рекою уже текут богатства...

... Не так, любезный друг, писатели богаты; Судьбой им не даны ни мраморны палаты, Ни чистым золотом валяны ступени...

Именно в полемике с Пушкининым Кюхельбекер все больше убеждался в высоте значения поэта, все глубже и шире теоретически это обосновывал, — в этом отношении любопытна вторая полемическая выписка. Так рано и так конкретно идет у Пушкина споры по основным вопросам литературы, — в частности споры о значении поэта, впоследствии приходящие его к ряду «стихотворений («Поэт» и «Червь» и др.).

2. «ГЕРОЙ СЕВЕРА» Во вступлении к одному из своих первых эпических опытов, легкой сказке «Бова» (1815), Пушкин полемизирует против старой героической эпикеи и против попыток ее воскрешения, называя пересторонними имена эпических поэтов и рилом — имена бездарных эпигонов, а именно — имена своей бездарности:

Часто, часто я беседовал С болтуном страны Египетския, И не смел оспаривать голосом О Шамеленом и Рифматовым Воспевать героев Севера.

Далее следует проиллюстрированное перечисление Вергилия, Клопштога, Мильтона и Камониса. Стихотворение любовито полемической смеютошности шестнадцатилетнего поэта, не побоявшегося выступить именно против мировых общепризнанных имен. Так «Болтун страны Египетския» — не кто иной, как Гомер. В самом деле, мировые имена Вергилия, Мильтона и Камониса были в литературном сознании XVIII и XIX веков ничем не меньшими, чем имя Гомера. Вместе с тем имена Шамелена и Рифматова (слычка Шихматова, автора помы «Петр Великий») представляют другой ряд имен — холодные имена «бездарностей». Герои их поэм: Оранская Дева и Петр Великий — герои Севера.

Однако возникает другой, неожиданный ответ по поводу того, что именно с Шамеленом и Рифматовым воспевают героев Севера.

Это — реальная личность лицейской истории: гувернер С. Г. Чирков, выдающийся поэт. М. А. Корф вспоминал о нем, что он «был поэт, впрочем еще более плохой, нежели гувернер и рисовальщик. Еще прежде лица он писал, но, кажется, не печатал, длинные трагедии в стихах, которые ходили и читались у нас в рукописях. Одна была под заглавием «Герой Севера», и кому-то из нас вздумалось это заглавие проиллюстрировать на самого автора. С тех пор, когда он был в хорошем расположении духа, мы всегда звали его «Героем Севера», и этот собиратель очень любил его самолюбие». (И. Брод, «Пушкин, его личные товарищи и наставники», СПб., 1899, стр. 233).

Думается, что Корф ошибся, и что вряд ли это была трагедия; если судить по заглавию — это, вернее всего, поэма.

Любопытно, как конкретны и резки у Пушкина-лицейца суждения о всей мировой литературе, как Гомер становится для него «болтуном», а в толпе мировых имен встречаем лицейского гувернера.

Ингурские горы

КАРЛО КАЛАДЗЕ

Ночь глухая покровы простерла. Там, подала — услышь. Оно Полно черного дегтя до горла, Сердцем раненом напряжено. И, оглянувшись, смотрит хмуро Горы. Лбом несеченные их Круты. Ханын ступи Ингура, Будто кровь меж расщелин слепых. И луна, повисая на спуске, Тоже с жаждающим сердцем сходна. Ночь в образах закату ужасна Будет черная горстими она. На хребтовых разорубленных спинах Или братской стоили семей. Будто копий скопление длинных, Подперев небосвод голубой.

Но теперь им не служат опорой Огненные обрывы. Я б сыскал Только след их на круче, с которой Паи глыбы отколотых скал, Будто кто-то, прыдя издалече, Ненастыго утесы изгрыз.

Горы елям изрезал. И нечем Им дышать, тяжело ружившим вниз. Их вершины оред не отыщут. Цепельный день он, крыла простерев, Кружит здесь. Пролетит — словно кладбище. В ней безрукие трупы дерев. Там, где выдалась узкая тропка (Будто выгнаны в горах ее зверь) По которой проскальзывал робко Даже тур крепконогий, — теперь Гравий там осыпается, искры Брызжут из-под копыт. И вперед, Тень отбросив, пронесится быстрый Всадник. Копь на дыбы. Поворот. — Кто ты, ночью мелькнувший на склоне, И откуда в душе твой страх, Или шел ты за тотот пороги Отзвук собственной скачки в горах?!

Ранен ты? Пошуканый болью, Ты от боли ринишь ускокаться. Поднятая пространств своеволье, Вверх из бездн выражаясь оянт? Иль соперник, исполненный мести, Твоего достигал коня?

Выкрик девичью ты. С нею вместе Мчишь, добычу под бурей храни. Конь куда тебя вынес легчий? Будто выброшенный из пращи? К торосам гор прижимаешь тучи, Заблудился дороги в ночи. В этой скачке ты близок к удущью, Путьник, тенью скользкий. Но нет, Не один ты. Ущелью глушью Вываду кто-то торопится вслед, Сон развенная великанов — Гор нависших угрою вокруг, То в неверные пропасти канув, То по близости вынырнув вдруг. — Грусть мою охвати же рыцарки, Чау* *. Ближе к седлу. — По следам, Враг, напрасно стремись за нами, Чау в руки твои не отдам. Мы исчезнем в полете угрюмом. Мы быстрее, чем брошенный взор. Но, неверный прыжок. И друг с другом, Кони сталкиваются в упор.

Выстрел. Топот покров. Успокоясь, Замолкает тропинка. В овраг Рухнула деревом срубленным в пояс Остановленный путь. На мгновение Задержался. Противник убит. Ветра яростное дуновение Подобрало удары копий. Горы перекинутся вод, Сердцем раненом напряжено Дно ущелья. Пространство немое Встало, смотрит. И стерло оно Тень убийцы. Поврежтому грозны Только скал расщелины тела. Да сорвавшиеся в пропасть сосны. И дорога внизу залегла, Да Ингур цедит мутные слезы, По расщелинам стонет слепым. В сумрак всматриваются утесы, В черных бурках склоняясь над ним.

Перевод с грузинского СЕРГЕЯ СПАСКОГО.

* Чау — имя сванской девушки.

Вот исторический фон, на котором протекала жизнь Аюга Аюпяна. Стольким поводом, «обуздателным» прицип, «армянским» настроениям в этом водворение политической жизни для поэта с неутоленным мировоззрением, чтобы стать жертвой идейных превращений.

Аюга Аюпян — тот счастливый поэт, который, минуя все сцены и харибды превращений, на склоне своих лет стал свидетелем торжества идеоло, вдохновлявших его творческую мысль в продолжение всей его жизни.

Политическое мировоззрение Аюга Аюпяна сложилось в его молодые годы. Семь лет, проведенные им в среде рабочего класса, сперва чернорабочим, а потом табельщиком и конторским служащим на нефтяных промыслах Баку, не прошли для него даром. К этому периоду жизни относятся его первые литературные выступления, пока еще не определившиеся по своим настроениям. Творческая мысль поэта окончательно оформляется после революционных событий 1905 года и знакомства с произведениями Максима Горького, Ады Негри и Верхарна. Перед ним открывается новый, веховый путь, путь левца труда и страдания, борьбы и победы рабочего класса:

Во век я не сойду на иные тропы! И как ни пленителен звезд и небес Блестящий пир, — небес Со мной угнетенный, страдающий мир; Призываю мое, Я вижу в стремлении, чтоб духом Собственный белог... воспрес

Так определяет поэт свое место в 1905 году. «Иные тропы» остались неизвестны ему и в дальнейшем. В годы черной реакции, когда Столыпин под сенью вывел и торем праздновал свою кровавую победу, Аюга Аюпян благоговейно поклоняется перед напыль борцов, павших за рабочее дело:

Вам стаю поет молодежь и растел!.. Мы плали... И не погибли.

В 1911 году, обращаясь к всем каваи-революционерам, всем знавшим ликвидаторам, рабочему движению, нашедшим упокоение на лоне «богословства», он бросает следующие слова:

Тот, кто слаб, в ком луч светлой надежды погас, Пусть уходит скорей, пусть не будет мек нас...

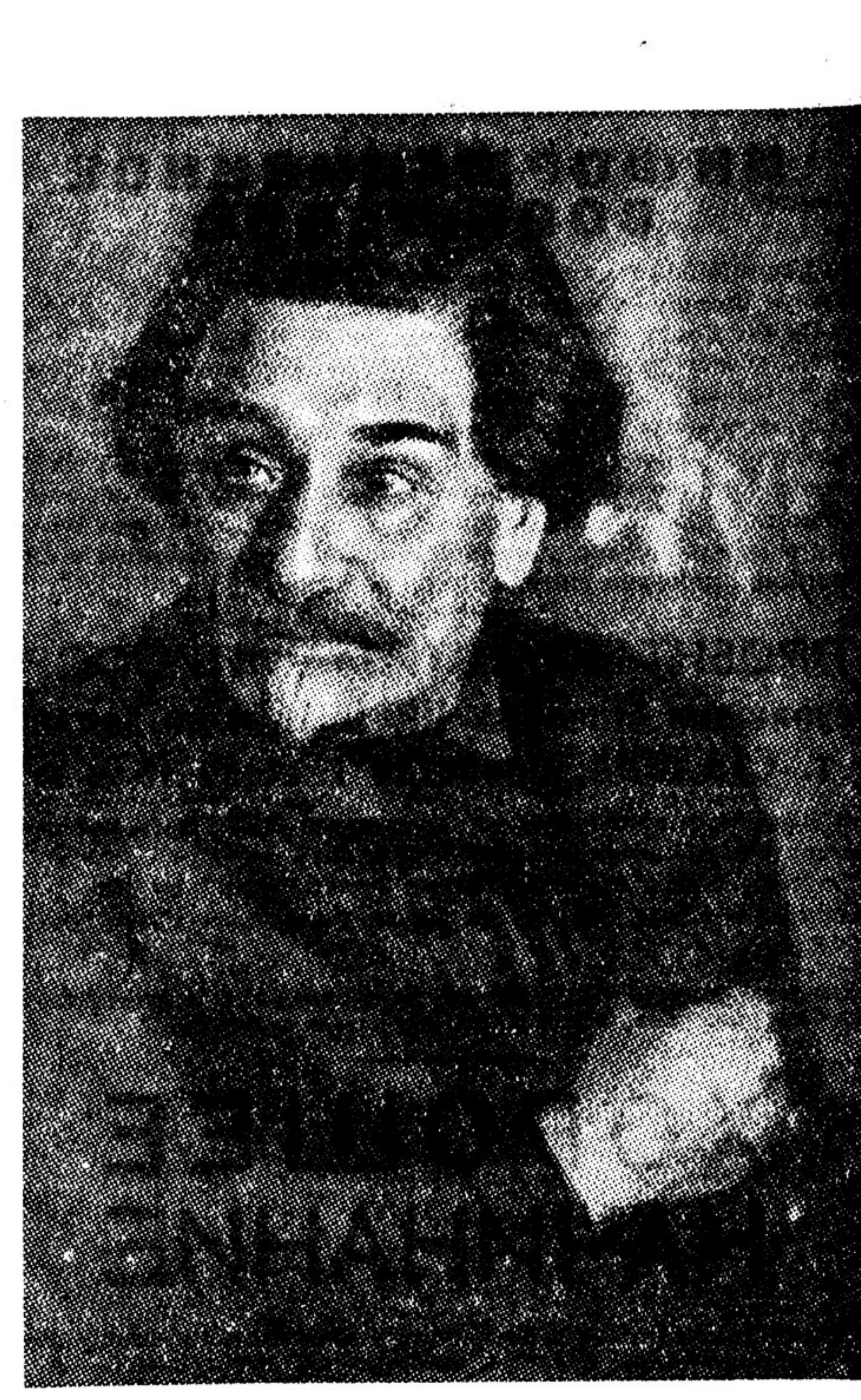
Аюга Аюпян не сошел на «иные тропы» и во время империалистической войны, когда армянские националисты проливали кровь на полях и в окопах. Аюпян от моря до моря под эгидой империалистических «культуртрегеров, когда шовинистические настроения, охватившие часть населения, приняла форму общественного психоза. «На позов ваших любимых я не похажу...»

Аюга Аюпян не сошел на «иные тропы» и во время империалистической войны, когда армянские националисты проливали кровь на полях и в окопах. Аюпян от моря до моря под эгидой империалистических «культуртрегеров, когда шовинистические настроения, охватившие часть населения, приняла форму общественного психоза. «На позов ваших любимых я не похажу...»

Е. ГИНЗБУРГ

Аюга Аюпян

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ

вероятно он националистам, не желая «отожидать» им в их «мещанском бреду».

Октябрьская революция застаёт Аюпяна в Тифлисе, где он жил с 1894 года. У него за спиной не только богатое литературное прошлое, но и заслуги подпольной революционной работы. С 1904 года он член партии. В годы реакции он был членом Закавказского партийного комитета и входил в редколлегию партийного органа «Борьба». В 1911 году он на партийном делем ездил за границу, встречался с Карлом Либкнехтом, с А. Луначарским и другими партийными деятелями. В 1914 году он участвовал в партийном совещании в Филлиппин. Будучи «дегальным» в качестве бухгалтера банка, он не раз выполнял подпольные задания органов. И вот, когда в советские войска вступают в Грузию, он, как член ревкома, принимает деятельное участие в практических мероприятиях советской власти.

Аюга Аюпяна называют армянским Верхарном. Действительно, он очень близок Верхарну как певец гор, залов, фабрик и труда.

А. В. Луначарский, сравнивая Аюпяна с Верхарном, писал о нем: «Верхарн был неопределенно сочувствующий рабочему классу поэт. Это был очень хороший поэтчик. Аюга Аюпян персонально был революционером, был марксистом, был человеком, целиком прижизненным к рабочему классу... Верхарн сползался о тяжелых впечатлениях войны, линия его жизни изогнулась, уперлась в империалистическую вакханалию, и он умер не успев выпрямить эту линию, хотя и пытался к этому наладиться. Аюга Аюпян оказался участником победоносного Октября и его дальнейших ответных отражений, там, в Закавказье».

В 1923 году пролетарская общественность Закавказья отпраздновала тридцатилетие его литературной деятельности. ЦИК Армении и ЦИК Грузии присвоили ему звание народного поэта Армении и Грузии.

Аюга Аюпян — ветеран армянской пролетарской поэзии. Впервые молот рабочего загремел в его стихах. Впервые в армянской поэзии протест и гнев, призыв к освобождению рабочего класса прозвучали в его творчестве.

Время, когда он воспевал страдания и лишения рабочих, когда он в своих стихах звал пролетариат на величайший бой, остался в прошлом. Теперь иные мотивы вдохновляют его неутомимую творческую мысль. Национальный мир, великие будни социалистического строительства, память о Ленине, о двадцати шести комиссарах, о Шаумяне, образ великого вождя народов — Сталина — вот основы его поэтического творчества после Октябрьской революции.

В 1923 году пролетарская общественность Закавказья отпраздновала тридцатилетие его литературной деятельности. ЦИК Армении и ЦИК Грузии присвоили ему звание народного поэта Армении и Грузии.

Аюга Аюпян — ветеран армянской пролетарской поэзии. Впервые молот рабочего загремел в его стихах. Впервые в армянской поэзии протест и гнев, призыв к освобождению рабочего класса прозвучали в его творчестве.

В то же время отношение его к буржуазному школам в искусстве, предшествовавшим советской поэзии, тоже очень «противоречиво». С одной стороны, он не жалел средств для «заключения». Все же отчасти только бы выматывали обслуживанием интересов буржуазии. Но тут же он, в порядке «освоения наследств», стремился найти хоть что-нибудь за «полуживыми» во всех этих направлениях.

Символизм, несмотря на его только что состоявшуюся «проработку», ему нравился потому, что он «расширял» ритмику и словарь русской поэзии, он обогатил ее изобразительными средствами, научив ее передаче смутных, переходящих одно в другое легкими полутонями. Тут уловимы чувства и ощущения. И это обуславливало большое историческое значение символизма (стр. 47).

Выделить эти черты в символизме как наиболее ценные можно лишь в порядке обязанности. Все же отчасти, что бы выматывали обслуживанием интересов буржуазии. Но тут же он, в порядке «освоения наследств», стремился найти хоть что-нибудь за «полуживыми» во всех этих направлениях.

Символизм, несмотря на его только что состоявшуюся «проработку», ему нравился потому, что он «расширял» ритмику и словарь русской поэзии, он обогатил ее изобразительными средствами, научив ее передаче смутных, переходящих одно в другое легкими полутонями. Тут уловимы чувства и ощущения. И это обуславливало большое историческое значение символизма (стр. 47).

Аюпян — после соответствующей «проработки» — нравился Селивановскому потому, что он якобы «отвернулся от искусства декаданса» (стр. 52). Как будто недостаточно уже ясно, что алемизм был наиболее ожесточенно-эстетским течением буржуазного декаданса.

Да и мало ли что еще нравилось Селивановскому! Но же принцип отбора? Селивановскому ничто не стоит поставить в пример, говоря об учителях поэта? Пролетаризм, имена Некрасова, Некрасова и Пушкина (стр. 116). Где подход к явлениям поэзии прошлого с точки зрения практических интересов и задач современной поэзии? Где приращества и запертые сознанием борца за эту поэзию? Где наконец симпатии Селивановского к современной поэзии?

Для него в одинаковой степени популярными являются Маяковский и Бельмонтский («Бельмонтский, сколько бы часто ни сыгрался его поэтический голос, не был эдиктом»).

Ассев и Демьян Ведный, Хлебников и Батрицкий. Все хорошо... Обо всех в одинаковой степени можно, великая уважительно, равнодушно и дипломатично: «Трагедияльная ночь» — эле поэмы, в которых неостатки его поэзии проявляются в значительно смягченном виде, а постоянства выражены достаточно ярко» (стр. 380).

«Лишь несколько поэтов выдержали испытание газетной поэзии. — это, прежде всего, Ведный, Маяковский и Бельмонтский» (стр. 133).

Еще более разительно это дипломатичность нашего критика выстукает в рассуждениях о Хлебникове. Вот пишет:

«Поэт берет корни слова и провоздлит десятки и сотни производных от него слов. Волдун ли он в житейской обиход? Или они будут использованы другими поэтами? Или каунт в вежность? Все равно. Лабораторный эксперимент существует» (стр. 87).

И что? Плохо это или хорошо? Селивановский хвалит по этому поводу таинственное молчание. «Умный» не читатель подумает, что за этим скрывается утонченный вкус истинного знатока и пенителя поэзии, а «слепой» радостно одобрит «проработку» заявляемого формалиста.

Для этого «умного» читателя у Селивановского принасые всеческие «высказанные», «тонкие» афоризмы и наблюдения. Тут можно узнать, что «заура в третьей строке — конечно же, от лирического перебора сердца, и только от него» (стр. 121). Или, неоглядывая для себя, открыть, что у Пастернака «ожидание весны полчищен весь строй фонетик» (стр. 192). А наряду с этими айхвальдовско-декаданскими красочными эталонными образцами социологического комментария к ним: когда ритм Верхарна и Уитмена (которых Селивановский представляет себе настолько одинаковыми, что даже пишет их через тире) ставятся в прямую связь с жизнью крупных индустриальных городов (стр. 115), когда основным показателем роста политического самосознания Маяковского считаются метафоры «как будто раскатылась беле рабочие, небу обьяно одолбленную стачку» и «небе льня секунду кривилось суровой гринастой железной Бисмарка» (стр. 281).

не. Аюга Аюпян в истории поэзии Армении займет свое прочное место.

Если в историю армянской поэзии из его современников Ов. Туманян пойдет как певец армянской деревенской поэзии и непревзойденный интерпретатор армянских сказок и легенд, Ав. Исаакян как великий лирик и выразитель анархического бунта против капиталистического мира, В. Терьян как певец деревенской поэзии и мастер стихотворного слова, — Аюга Аюпян войдет в эту историю как первый поэт четвертого поколения, как неутомимый плашатай революции.

Аюга Аюпяна называют армянским Верхарном. Действительно, он очень близок Верхарну как певец гор, залов, фабрик и труда.

А. В. Луначарский, сравнивая Аюпяна с Верхарном, писал о нем: «Верхарн был неопределенно сочувствующий рабочему классу поэт. Это был очень хороший поэтчик. Аюга Аюпян персонально был революционером, был марксистом, был человеком, целиком прижизненным к рабочему классу... Верхарн сползался о тяжелых впечатлениях войны, линия его жизни изогнулась, уперлась в империалистическую вакханалию, и он умер не успев выпрямить эту линию, хотя и пытался к этому наладиться. Аюга Аюпян оказался участником победоносного Октября и его дальнейших ответных отражений, там, в Закавказье».

Время, когда он воспевал страдания и лишения рабочих, когда он в своих стихах звал пролетариат на величайший бой, остался в прошлом. Теперь иные мотивы вдохновляют его неутомимую творческую мысль. Национальный мир, великие будни социалистического строительства, память о Ленине, о двадцати шести комиссарах, о Шаумяне, образ великого вождя народов — Сталина — вот основы его поэтического творчества после Октябрьской революции.

В 1923 году пролетарская общественность Закавказья отпраздновала тридцатилетие его литературной деятельности. ЦИК Армении и ЦИК Грузии присвоили ему звание народного поэта Армении и Грузии.

Аюга Аюпян — ветеран армянской пролетарской поэзии. Впервые молот рабочего загремел в его стихах. Впервые в армянской поэзии протест и гнев, призыв к освобождению рабочего класса прозвучали в его творчестве.

В то же время отношение его к буржуазному школам в искусстве, предшествовавшим советской поэзии, тоже очень «противоречиво». С одной стороны, он не жалел средств для «заключения». Все же отчасти только бы выматывали обслуживанием интересов буржуазии. Но тут же он, в порядке «освоения наследств», стремился найти хоть что-нибудь за «полуживыми» во всех этих направлениях.

Символизм, несмотря на его только что состоявшуюся «проработку», ему нравился потому, что он «расширял» ритмику и словарь русской поэзии, он обогатил ее изобразительными средствами, научив ее передаче смутных, переходящих одно в другое легкими полутонями. Тут уловимы чувства и ощущения. И это обуславливало большое историческое значение символизма (стр. 47).

Выделить эти черты в символизме как наиболее ценные можно лишь в порядке обязанности. Все же отчасти, что бы выматывали обслуживанием интересов буржуазии. Но тут же он, в порядке «освоения наследств», стремился найти хоть что-нибудь за «полуживыми» во всех этих направлениях.

Символизм, несмотря на его только что состоявшуюся «проработку», ему нравился потому, что он «расширял» ритмику и словарь русской поэзии, он обогатил ее изобразительными средствами, научив ее передаче смутных, переходящих одно в другое легкими полутонями. Тут уловимы чувства и ощущения. И это обуславливало большое историческое значение символизма (стр. 47).

Аюпян — после соответствующей «проработки» — нравился Селивановскому потому, что он якобы «отвернулся от искусства декаданса» (стр. 52). Как будто недостаточно уже ясно, что алемизм был наиболее ожесточенно-эстетским течением буржуазного декаданса.

Да и мало ли что еще нравилось Селивановскому! Но же принцип отбора? Селивановскому ничто не стоит поставить в пример, говоря об учителях поэта? Пролетаризм, имена Некрасова, Некрасова и Пушкина (стр. 116). Где подход к явлениям поэзии прошлого с точки зрения практических интересов и задач современной поэзии? Где приращества и запертые сознанием борца за эту поэзию? Где наконец симпатии Селивановского к современной поэзии?

Для него в одинаковой степени популярными являются Маяковский и Бельмонтский («Бельмонтский, сколько бы часто ни сыгрался его поэтический голос, не был эдиктом»).

Ассев и Демьян Ведный, Хлебников и Батрицкий. Все хорошо... Обо всех в одинаковой степени можно, великая уважительно, равнодушно и дипломатично: «Трагедияльная ночь» — эле поэмы, в которых неостатки его поэзии проявляются в значительно смягченном виде, а постоянства выражены достаточно ярко» (стр. 380).

«Лишь несколько поэтов выдержали испытание газетной поэзии. — это, прежде всего, Ведный, Маяковский и Бельмонтский» (стр. 133).

Еще более разительно это дипломатичность нашего критика выстукает в рассуждениях о Хлебникове. Вот пишет:

«Поэт берет корни слова и провоздлит десятки и сотни производных от него слов. Волдун ли он в житейской обиход? Или они будут использованы другими поэтами? Или каунт в вежность? Все равно. Лабораторный эксперимент существует» (стр. 87).

И что? Плохо это или хорошо? Селивановский хвалит по этому поводу таинственное молчание. «Умный» не читатель подумает, что за этим скрывается утонченный вкус истинного знатока и пенителя поэзии, а «слепой» радостно одобрит «проработку» заявляемого формалиста.

Для этого «умного» читателя у Селивановского принасые всеческие «высказанные», «тонкие» афоризмы и наблюдения. Тут можно узнать, что «заура в третьей строке — конечно же, от лирического перебора сердца, и только от него» (стр. 121). Или, неоглядывая для себя, открыть, что у Пастернака «ожидание весны полчищен весь строй фонетик» (стр. 192). А наряду с этими айхвальдовско-декаданскими красочными эталонными образцами социологического комментария к ним: когда ритм Верхарна и Уитмена (которых Селивановский представляет себе настолько одинаковыми, что даже пишет их через тире) ставятся в прямую связь с жизнью крупных индустриальных городов (стр. 115), когда основным показателем роста политического самосознания Маяковского считаются метафоры «как будто раскатылась беле рабочие, небу обьяно одолбленную стачку» и «небе льня секунду кривилось суровой гринастой железной Бисмарка» (стр. 281).

Окончание см. 3 стр.

Панно подземного гота для открываемого в ближайшее время Дома пионеров и октябрат в Москве (худ. К. Зельштейн).

ПРАЗДНИК ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Юбилей известного татарского драматурга Карима Тенчурина превратился в подлинный праздник татарской советской литературы.

Татарский академический театр едва мог вместить всех желающих приветствовать юбиляра. Десятки телеграмм, полученных из различных краев и областей Советского Союза, наглядно демонстрировали широкую популярность Тенчурина.

В торжественном заседании принял участие секретарь Татарского обкома партии т. Мухамедзянов.

— Рост Тенчурина, — заявил т. Мухамедзянов, — это рост трудового татарского народа, разубужденного революцией. Лишь в Советской стране, под руководством партии Ленина — Сталина, созданы все возможности для роста народных талантов.

Правительство Татарии приняло решение пригласить т. Тенчурина почетным юбилейным значком имени 15-летия Татарстана.

Е. ГИНЗБУРГ

В ЗАЩИТУ ПОЭЗИИ

Е. МУСТАНГОВА, А. ТАРАСЕНКОВ

О советской поэзии должна быть написана замечательная книга. Ведь можно, не боясь преувеличения, прямо сказать, что такого поэтического полета и расцвета поэтической культуры, который произошел и происходит на наших глазах, не было в литературной истории страны со времени «золотого века» русской поэзии — пушкинской эпохи. Рядом с нами работала Маяковский, вместе с нами работают Пастернак, Тихонов, Ассев. Наша эпоха воспитала Сельвинского, Батрицкого, Светлова. Нет нужды приводить длинные списки имен. Ясно, что опыт советской поэзии действительно стал предметом изучения и подражания во всем мире.

Этой — по бесчисленному количеству раз повторенному утверждению — «старшей» и от знания, и от опыта, и от драматургии (это Маяковский-то от Кирилла!) этой Пастернак-то от Афиногенова!) поэзия мы гордимся и хотим, чтобы о ней была написана достойная ее книга. Конечно, количественное соотношение между членами союза писателей, пишущими хорошие стихи, и членами, пишущими плохие стихи, может измениться в худшую сторону. Но ведь поэзия измеряется не статистикой приемочной комиссии ЦСР. Работа подлинных поэтов определяет ее стиль, направление развития и место, занимаемое советской поэзией в мировом литературно-художественном пространстве.

ОТ РЕДАКЦИИ: Статья Е. Мустанговой и А. Тарасенкова печатается в порядке обсуждения. Она содержит некоторые ошибки и неправильные выводы и поэтому (в том числе требовании, обращенного к критикам, писать как-то «адекватным» критическому посту латому, характерности отдельных поэтов и т. д.). Литературная газета, печатая эту статью, призывает поэтов и критиков высказаться по вопросам, поставленным в ней в связи с книгой А. Селивановского, оценка которой будет дана в специальной статье.

Такая книга должна быть написана. И мы полагаем, что она действительно написана, когда увидели толстый том «Очерков по истории русской советской поэзии». А Селивановского, только что вышедший Гослитиздатом. Отглавление было замечательно по своему почти исчерпывающему многообразию.

Тов. Селивановский работает на поприще поэтической критики уже 10 лет. И вот — итоговая книга. Автор не забыл в ней ни одного крупного поэтического имени, обследовал все основные школы и направления, попытался создать историческую схему движения советской поэзии. Он кратко рассматривает и дореволюционные поэтические школы, прослеживает судьбы их крупнейшие представители в условиях советской действительности. Книга написана очевидно, в расчете на довольно широкого читателя. — Селивановский почти в каждом абзаце излагает свое понимание истории советской поэзии. Он кратко рассматривает и дореволюционные поэтические школы, прослеживает судьбы их крупнейшие представители в условиях советской действительности. Книга написана очевидно, в расчете на довольно широкого читателя. — Селивановский почти в каждом абзаце излагает свое понимание истории советской поэзии. Он кратко рассматривает и дореволюционные поэтические школы, прослеживает судьбы их крупнейшие представители в условиях советской действительности. Книга написана очевидно, в расчете на довольно широкого читателя. — Селивановский почти в каждом абзаце излагает свое понимание истории советской поэзии.

Писать такую книгу было, очевидно, трудно, ибо предшественники Селивановского в этом отношении очень много напутали, все выработанные ранее схемы развития советской поэзии (в многочисленных очерках истории советской литературы) никак не отражали действительной жизни поэзии, нужно было начинать работу совсем заново, освободившись от старых предрассудков, привычек, штампованных оценок и определений. Нужно было взглянуть на поэтический мир советской страны глазами свежего и заинтересованного человека.

Селивановский пошел по компромиссному пути: он предпочел, сохраняя старые схемы, очевидно уже устаревших как говорится, на сегодняшний день; он распределил свое внимание поровну между всеми поэтами (Маяковский, Сельвинский и Бельмонтский поощряются почти равное количество страниц); он обстоя-

вил всеми возможными оговорками кляжло свое определение и каждую букву или менее ответственную оценку.

Книга получилась назидательной. — здесь мы найдем и поучения по адресу эстетов и грозные филиппики, обращенные к социологам-вульгаризаторам. Книга демонстрирует широту авторских возможностей, — он умеет и любит сгущать изысканным вкусом и сохранять при этом полную «идейную чистоту».

— в книге есть и поучительные-методологические абзацы, подкупающая простота характеристик, доступные «самым широким массам» (Киреевский — «спот революционной тематики» стр. 270, Голынский — «спот политической темы» — стр. 390, а поэзия Лермонтова и Некрасова — «поэзия смелых пролетариев и трудового крестьянства» — стр. 304) и многозначительные намеки, расщепленные на узкий круг гуманизма и любви (строки о «сокетическом отношении» Максимилиана Володина — стр. 18, о «стихотворно-лицейском пантеизме» поэзии В. Каянча — стр. 120) и т. п.

Одним словом — всем страстям по сердцам. К созданию, эта задача — сделать книгу «на все вкусы» и «все категории читателей» — привела к тому, что книга получилась скучная, расплывчатая, вкусы и симпатии автора в ней глубоко заперты (впрочем, при некотором усердии их не так уж трудно обнаружить), оценки и характеристики вялы и безразличны. Вот примеры подобных формул:

«Его (Маяковского, — М. и Т.) индивидуальность... вел его к близкому сближению к «мировой культуре»» (стр. 280).

«Каким отсутствием слуха нужно обладать, как нужно не любить и не чувствовать поэта, чтобы такой неподходящий формулой, выходя из литературной обихода XIX века, как «мировая культура», определять Маяковского!»

За рубежом

НОВЫЙ РОМАН СЕЛИНА

«Смерть в кредит» — так называется новый роман французского писателя Луи Фердинанда Селина...

существенно, но так или иначе, белая пята — производил наводливо, раздражающее впечатление.

7 июня в Музее изобразительных искусств открывается выставка работ одного из крупнейших художников Советского Союза — народного художника Армении, орденского, Мартироса Сарьяна...

РЕПЕРТУАР АМЕРИКАНСКИХ ЛЕВЫХ ТЕАТРОВ

В сезоне текущего года в нью-йоркских левых театрах шли следующие пьесы: «Горький поток», пьеса о фашистской Италии — Виктора Вольфсона; живая газета — «Три А» Рувельта погребены — Эдвард Социальная сатира; «Власть прессы» — Ричарда Романа; «Дело Клоды Гриффитис» — пьеса, переложенная Ф. Пискаротом из романа Драйзера...

В данный момент готовится к постановке в числе других пьес драма Майка Голда и М. Бланкфорта «Джон Бруун». Героя драмы абсолюциониста казнят за его попытку освободить негра-раба.

ПИСАТЕЛЬ, УКРЫВАЮЩИЙСЯ ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ГАНС ГЮНТЕР

В фашистской Германии остались еще писатели, которые не участвуют в фабрикации всевозможного национал-социалистического вальса по указанию и поручению министерства пропаганды.

Книга о Куральте — честное выступление Г. Фаллады против вопиющих несправедливостей капиталистического мира. Роман, написанный еще до фашистской диктатуры, вышел из печати после захвата власти Гитлером.

столкновении между двумя социальными классами, которые стремятся завладеть отцовской унаследованной землей. Они — близнецы, и даже повзрослевшая бабка не может сказать, кто из братьев родился первым.

РОМАН РОЛЛАН О КЛОДЕ МОНЭ

Десятилетие со дня смерти знаменитого французского художника Клода Монэ отмечено в журнале «Регар» большой статьей Жюль Бессона...

Клод Монэ умер в 1926 г., 86 лет. Чрезвычайно высокую оценку творчеству Клода Монэ дает Роман Роллан.

Он бежит, но не за пределы Германии, а за пределы действительности, в прошлое, в эпоху ограниченного круга личного и внеполитического.

эта капитализация была началом конца. Фаллада стал отступать от правды жизни, спасаясь в тусклом мире личного и аполитичного, фантастического или протекторного.

В другом месте этой статьи обращает на себя внимание «философия» воробья: «Общественно, что на земле не существует более старинной, более знаменитой, более мужественной, более уминой породы, чем порода воробья».

КНИГИ О СССР

За последнее время во Франции вышел целый ряд книг о СССР: «Правильный мир — СССР» Поля Гельля; «Путешествие по стране Советов» — перевод книги известного

американского журналиста Лири Филлера, «СССР — страна молодежи» Клода Гемпель, посетившего СССР вместе с делегацией республиканской молодежи и с искренним восторгом описавшим великое строительство.

Третья книга Фаллады «Кто раз пошел из жесткой миски» (недавно вышла в русском переводе) — это история одного каторжника, Вилли Куральта. Обирав срок наказания, он пытается найти постоянную работу, которая могла, хотя бы скудно, прокормить его.

В мировой литературе достаточно примеров, когда самые острые социально-политические проблемы находили аполитическое отражение в сказках. Гофман, например, на которого ссылается в своем предисловии Фаллада, при всей фантастичности своих сказок не забывал о конкретных общественных проблемах.

Этот папева нам знаком. И фашистский идеологический пропагандист гордился здесь — выражающаяся в асфальтовой цивилизации перенаселенных каменных пустынь, там — истинная «свобода» сельской жизни.

НОВАЯ ПЬЕСА КИНГСЛИ

Сидней Кингсли — известный американский драматург, автор пьесы «Люди в белых халатах», которая была награждена пуллитерской премией и поставлена в Советском Союзе.

многих из них судьба Мартина неизбежно будущее; дети богатых родителей, проститутки, полисмены и др.

В этой книге есть также места. Фаллада совершенно изобретает жанр новеллы, в капитальном переработав ее всемогущую силу, в неизбежную судьбу, которую надо «переносить», как бы страна она ни была.

Приветов в чужой, Шпат слова превратился в человека, Шпат признал племянника, и Гунтрам сразу же выбыл в кухню Монну. На пути к супружескому счастью как будто не было никаких препятствий.

Когда герой книги Гунтрам, превращенный в воробья, улетает из города, он видит в одном доме, на чердаке портного, который сидит, скрепя ноги, на столе и работает. «Ах, ты бедный, прикованный к одному месту человек!» — думает воробей: «Ты работаешь, пока глаза твои не помутнеют или совершенно не ослепнут, только для того, чтобы быть у тебя четыре тесных стены и голый стол!»

НОВЫЕ КНИГИ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Джон Дос Пассос прислал в СССР для перевода рукопись нового романа «Большие деньги» («Big Money») — третью часть трилогии, в которую входят «42 параллель» и «1919».

Джозеф Фриман закончил свою книгу «Американское завещание» («American Testament»), где он рассматривает проблемы развития американской революционной культуры и, в частности, литературы.

И все же в романе есть острая социальная критика: автор описывает жестокость тюремного режима в капиталистических странах, рассуждает о уголовных заключениях и унижающем человеческое достоинство. Большие того, Фаллада показывает.

Фаллада переносит свой рассказ в далекое прошлое, чуть ли не во времена тридцатилетней войны. В некоем городке, у некоего купного городского советника жил молодой писарь по имени Гунтрам Шпат.

Этот папева нам знаком. И фашистский идеологический пропагандист гордился здесь — выражающаяся в асфальтовой цивилизации перенаселенных каменных пустынь, там — истинная «свобода» сельской жизни.

В ЗАЩИТУ ПОЭЗИИ

НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

Одним почти обобщенно в конкретном анализе, о ней сказано лишь несколько общих фраз. Этот факт тем более выразителен, что по поводу антиквонных стихов Сельвинского, занимающих значительное место и в работе самого Сельвинского, и в актах советской поэзии тем более, да в действительности: «Он создал ряд величайших агиток и массовых песен» (которые, заметим в скобках, никак не поются. — М. и Т.).

Пристрастность этой оценки конструкторства тем более бросается в глаза, что, критикуя теоретические установки других поэтических течений, отнюдь не содержащихся в себе элементов буржуазной идеологии (наличие этих элементов в конструктивизме он признает), Сельвинский оказывается беспощадным. Он без конца повторяет, что все достижения крупнейших поэтов ЛЕФА были завоеваны ими вопреки левой платформе. Что же это справедливо, но почему же тогда оказывается, что Вера Инбер «с конструктивизмом... поперла для себя каждую поэтическую технологию, научившись не писать не инжигонские, а художественно-самостоятельные стихи» (стр. 238).

Настоящая книга о советской поэзии должна еще быть оценена. Эта книга не должна быть оценкой поспешно о том, как возникали, сорисались друг с другом и умрали многочисленные литературные группировки. Эта будущая книга не должна впадать в представления о том, что социалистический поэтический — это поэт какой-то «золотой середины».

Борьба между этими двумя мистическими силами происходит из-за дела весьма житейского: этой Азюо требуется противозаконно завладеть крестьянской усадьбой Шната; добрый Бубо стремится воспринять этот момент. Во время этой длительной борьбы происходит самые невероятные вещи, как в волшебной феерии: простые воробьи превращаются в людей, и наоборот, люди превращаются в воробьев, в фишпо, в кошек и в камни; а для того, чтобы человек превратился в камень, снова стал человеком, его должны оросить искривленные девичьи слезы и т. д.

Итак, если не считать этих робких несных намеров, Фаллада не решится констатировать в своем произведении ни одной актуальной социальной проблемы. И все же эта сказка дает представление о позиции Фаллады, об ее ориентации в настоящее время. «Сказка о писаре, который улетел в деревню» это — правдивая повесть о писателе, который укрывается от действительности.

Книжки „У Днепра“

В предисловии к русскому изданию первого тома «У Днепра» автор романа Д. Бергелсон пишет: «Я поставил себе задачу дать широкое социальное полотно, и на этом фоне парировать «депривированную картину деревенской жизни широких слоев еврейской массы, с ее социальными конфликтами, политическими борьбой и общественными движениями».

жизающей литературой «социальное мира», якобы царящего на еврейской улице, автор на каждом шагу обнаруживает пропавшую, лежащую между двух противоположными тугеями «жизающей» — прессыционными лугеями — одной стороны и обездоленными впадающими труженниками, с другой.

Бергелсон избрал небольшое местечко на правобережной Украине. В примитивном патриархально-экономическом укладе местечка начала 90-х годов прошлого столетия лишь намечались сложные формы социальных взаимоотношений. Крупный торговец Михаил Левин — центральная фигура романа. Один из его компаньонов, деятельный характерный экономический работник местечкового купца — помещицкий козляк — Шапелу брату, купцу... за помещика вало крепче держаться... и делов и отцов наших учиться... делай как они делают... лесом торгуй... Денги под закладную? Что же и это не плохо... Хорошо урожай на корню скупили, если помещику деньги дозрела нужны... дешево тогда урожай уступил... Бывает, и мельница неплоха... Лучшее арендованная, чем собственная. Даже сахарозаводчик Елисейсон, с которым Михаил Левин находится в коммерческой и дружеской переписке, является лишь арендатором помещичьего сахарного завода и все свое коммерческое благополучие строит «на помешке» по примеру «отцов и дедов».

Единственным представителем крупной буржуазии в романе выступает миллионер Шапел, владеет несколькими сахарными заводами. Но и этот человек, появившийся на местечковом фоне крупный капиталист, не показывает пока лишь в начале своей промышленной карьеры — его богатство еще только растет. Во все рост этот миллионер будет, повидимому, так же, как и фабричный пролетарий, показан в следующих томах.

Трудные стои местечка представляют в книге ремесленники, живущие бедно, в домишках которых, не выходя не топят печи и неделама не вытает обода. Вот из этих кварталов нужны и нищеты вербовались кадры, протестировавшиеся молодежи худшей и в город за фабрика. Там эта молодежь втягивалась в волонтеры молодой борьбы. Преступлениями молодого пролетариата поколения в первом томе выступают Борух, сын маляра, Иселд Гулярильк и Нахке. В первом томе они еще показаны подростками. Но по всему ходу рассказа видно, что это будущие протестарии и активные участники протестариих революционных боев за рабочее дело.

Характер взаимоотношений Петра и евреев жизни идет так же, как и у евреев: один живет уютно, трудным и тихой, другие раскошеватся за счет чужих трудов, «ола еще приживаются» — что так оно и должно быть. Замечательная образ Петра подкупает своей душевной простотой и глубокой сердечностью.

В поверхностной «тиши и глади» патриархального местечкового быта автор с исключительным мастерством обнажает его ничтожность классовую сущность. В опровержение протестариих, созданный еврейской буржуазией.

Характер взаимоотношений Петра и евреев жизни идет так же, как и у евреев: один живет уютно, трудным и тихой, другие раскошеватся за счет чужих трудов, «ола еще приживаются» — что так оно и должно быть. Замечательная образ Петра подкупает своей душевной простотой и глубокой сердечностью.

„... и Компания“

Роман Ж. Р. Блока «... и Компания» выпущенный Гослитиздатом, написан более двадцати лет назад. Тогда Блок не верил еще в возможность уничтожения капиталистического строя.

Сейчас триста фабрик обсуждают, как им быть. Пятьдесят решается прыгнуть. На этих пятидесяти — десять переирнутий, и мы должны быть в числе этих десяти. Рынок достанется первым».

«Равно есть такая сила, которая сможет остановить грохочущие станки, остановить бесконечную ленту, остановить поток машин, остановить приток машин, остановить приток машин?» — растерянно спрашивает себя писатель. «Что значит человек наряду с этой машиной в двадцатом веке?».

Симлеры совершают прыжок, после которого начинается непрерывный и бурный подъем их фирмы. К концу романа, т. е. в 1930 году, на фабрике Симлеров занято до трех тысяч рабочих, а годовая оборот равен нескольким миллионам франков.

Весь роман пропитан едва сдерживаемым ужасом перед этим железным маршем машин. Металлический лязг и грохот станков, перекрывающий фабричных шпире растущими в себе толпы человека. Оглушенный, смутный, растерянный раскидывает он руки и пытается крикнуть, позвать на помощь, но — тщетно. В этом гуде и реве механизма он едва ли услышит даже свой собственный голос.

Однако, несмотря на то, что жгучая способность, трудолюбие и цепкость Симлеров иллюстрируют Блоку, весь строй капиталистических отношений вымывает в нем чувство умеренности и горечи.

Первое, что бросается в глаза при внимательном чтении романа, это обреченная невозможность человека, пришедшего примат машин, которую он невольно признает неизбежной. Но, например, судьба Жозефа Симлера, наиболее одаренного, человеческого и привлекательного представителя рода Симлеров, — девушка из французской аристократической семьи. Но против бика возстал вся семья Симлеров. Женитьба на дочери разорившегося фабриканта? Никогда.

«Перед широко раскрытыми глазами мистера Бана постепенно возникала печальная картина промышленности, ее хаоса, затопленного в лучине океана зависти, недоброжелательства, чувствующий растущее бесилие при каждой вновь подымавшейся волне».

Блоку казалось, что только тому, кто отдал себя служению машине и отказался от всего человеческого, идущего вразрез с механической волей века, удастся остаться на поверхности жизни. Другие — неудачники. Они будут сметены и раздавлены. В истории семьи Симлеров, для которой «фабрика, семья это только две стороны одного и того же», Блок раскрывает огромную жизненную цепкость, изобретательность и предприимчивость капиталиста конца XIX века.

Рабочие в романе играют роль статистов. В ту пору Блок не верил в историческую роль пролетариата и потому видимо не нашел нужным задерживать свое внимание на тех, кто приводил в движение станки симлеровской фабрики и переделал свой пот, здоровье и силы в золото, технику, плод обуржуазившей фабрики. Местные промышленные круги оказывают приемылем в поддержке. Но, растаивая несомненно, обогная ограниченными консерваторов, вырываются вперед.

Блок Жан-Ришар. «... и Компания». Авторизованный перевод с французского Т. Сорочкина, под редакцией И. Эрнбургта. М. Гослитиздат, 1935 г. 352 стр. Ц. 4 р. 75 к., п. 1 р. 25 к. Тир. 10 000.

Хороший перевод позволяет советскому читателю оценить большое реалистическое мастерство одного из виднейших писателей Франции.

ВЛ. ДМИТРЕВСКИЙ.

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

«ВСАДНИКИ» ЮРИЯ ЯНОВСКОГО

Вторая Всероссийская выставка самодельных художников колхозов и совхозов. Бындоров. «Удар защиты» (дерво)

ЛЮДИ НАШЕЙ СТРАНЫ

«МОЯ ЖИЗНЬ» А. КОРЕВАНОВОЙ

Три тяжкие доли имела судьба, И первая доля — с рабом повенчаться. Вторая — быть матерью сына раба, А третья — до гроба рабу покаряться. И все эти грозные доли легли На женщину русской земли...

Тяжкие воспоминания сохранились в памяти Коревановой о «золотом детстве». Но радостнее было и печальнее. Заботы не уменьшались, с каждым годом жить в семье становилось тяжелее, работать труднее. В дом зачастили сваты. Кореванова родительской волей была выдана замуж за немолодого, любимого...

«Девушки Советского союза только тогда поймут, почувствуют все величие работы партии Ленина, когда они познаются как авторский процесс их матерей и бабушек...»

«К каждому слову прищипывалось, все на мне перебралось: что у него в руках, то и меня и детей. И пряталась от него в комнату. Как-то раз трое суток пролежала у себя...»

«В книге Коревановой, написанной в форме автобиографического рассказа, перед читателем проходит многогранная жизнь автора...»

«В последние главы книги особенно ярко показано, как создавались те удивительные женщины-протартаки, коммунистки, трудовыми достижениями которых гордятся теперь все наши советская социалистическая община...»

«Девочка не было еще десяти лет, когда умерла ее мать. Отец женился вторично. О приходе мачехи знает Кореванова...»

«В Екатеринобурге, куда переехала о Ревдлинского завода семья Коревановой, недалеко от дома находилась школа. В ней учились дети кушач и служащих...»

«Рабочим в преме отказывали — «я без ваших ребят школы переполнена...»

«В 1902 году мой муж умер, я пошла работать на фабрику. Оставила свои вешетки — судачки, и тетради — дома. Мачеха нашла эти тетради и сожгла их в печке...»

«Пролог» был доставлен Пыльну. «Прошу печатать, сколько возможно по текущим условиям...»

«В 1877 году Л. Лавров, несмотря на энергичные протесты либерала Пашкина, выпустил «Пролог» в Лондоне. Такова краткая история первого издания романа...»

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Детские писатели у нас мало. Детская литература отстала. Чтобы поднять ее, ЦК ВЛКСМ созывает специальное совещание, правительство отпускает огромные средства и бумажные фонды. Какими способами должна критика поддерживать эти усилия? Критика должна быть особенно чутка, к статьям о детских книжках должны предъявляться самые высокие требования...

«Длинды на долины Дурбун-Хоток» — и на сегодняшний день поэзия и нужна для наших ребят книжка...»

В 1929 году в Москву приехала делегация монгольских пионеров из Улан-Батора. В делегацию входили пионеры Шарон, Длинды, Калуги и Дини-Нама. Им руководила Н. М. Павлова, которая записала автобиографические рассказы пионеров...

«В одном названии книги насчитывается восемь ошибок, так как следует писать «Длинды на долины Дурбун-Хоток». Вот повод для последующего грозного приговора...»

Дальнейшие замечания сводятся к тому, что по повести Болондина нельзя составить верного представления о ходе классовой борьбы в Монголии и что в книге дается неверная трактовка вопроса о ламстве. Эти замечания, возможно, и правильны, но ведь можно указать на ошибки писателя, написавшего непопулярную книгу, не уничтожая этой книги безжалостным приговором...

«Детская литература — и притом не всегда справедливая — о неточности политических и этнографических сведений автора. В. Сеффуллин же в слове не обмолвился о самом главном — об общей направленности книги. Ни идейная сторона повести, ни ее литературные качества не дают повода для обвинения автора в политическом и литературном невежестве...»

Одновременно с этой заметкой в журнале «Детская литература» (№ 6 1935 г.) появилась первая рецензия на книгу. Рецензент писал: «История Длинды настолько интересна, типична для Монголии наших дней, что повесть Болондина в 1931 г. ставилась выдвигалась четыре издания (два на русском и два на украинском языках), а критика ее молчала...»

«Среди детей, — лучшая ее аттестация...»

«Далее рецензент, П. Лисьяков, упрямая автор в том, что он, «не мудрствуя лукаво, идет за материалом рассказов Длиндына, в результате чего «из плана повести выпала классовая борьба в Монголии...»

«Случай о С. Болондине, человеком много и добросовестно работающим, должен найти соответствующую оценку. Редакция «Детской литературы» не имеет права на «детскость» и несерьезность суждений...»

Эрзянская литература

Декабрь факультета языка и литературы Мордовского педагогического института Г. С. Петров подготовил к печати книгу об эрзянской литературе — с момента ее зарождения до наших дней.

«Мордовский госиздат выпустил поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» на эрзянском языке в переводе В. П. Рябова. Из 5 тысяч экземпляров более 2 тысяч уже разошлось...»

ДОКУМЕНТ ЛИТЕРАТУРНОЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ

Мы не собираемся сейчас говорить о какой-либо неудачной статье или книге на литературные темы. Нет, речь идет об официальной бумаге с многочисленными подлинными ложностями и т. д. Полное название этого документа — «Русская литература XX века». Программа для педагогических институтов. Факультет языка и литературы. Автор — доцент Лукин. Редактор — научный сотрудник ВЛУ Дарольд.

«Конечно, подобная характеристика не только ничего не дает студентам при преподавании языка, а только дезориентирует их...»

«В нашей печати уже много писали о крупнейших недостатках литературного образования в средней и высшей школе. Зачастую изучение литературы поменяется «работкой» того или иного писателя. Вместо того, чтобы дать живое представление о фактах литературы, учащихся часто заставляют зубрить социологические формулы и схемы...»

«Схематизм выдвигается за самую существенную черту такого преподавания, как «Работа» В. Ставко. Основания А. Фадеева — тоже схематизм. В ярем с этим велется безудержная творческая аналогия алгебры: самое существенное в творчестве А. Ахматовой — это «схематизм»...»

«В 1877 году Л. Лавров, несмотря на энергичные протесты либерала Пашкина, выпустил «Пролог» в Лондоне. Такова краткая история первого издания романа...»

«Если бы все дело сводилось к несомненным неудачным определениям, то их можно было бы исправлять. Но дело в том, что кроме этих безграмотных определений начато другое — существенное в программе не содержится...»

Живая страница истории гражданской войны

Роман Яновского «Всадники» я прочел с большим удовольствием. Правда показана в романе борьба, вырывающая семью, две братские души. И сам был свидетелем такого же случая в период гражданской войны...

Роман «Всадники» воспитывает в нас любовь к нашей великой родине, закаляет нас — будущих защитников нерушимости советских границ. Помните рассказ Ставко о Чубенко об Адаменко, крестьянине, который погиб в борьбе за советскую власть за завоевание свободы...»

«Книжка С. Болондина провозглашает все плохие традиции «художественной литературы» Монголии: поперечности, поспешности, незнание местных условий, первичность в использовании материалов и т. п. Мы, к сожалению, должны констатировать что важная и серьезная тема побуждена плохим исполнением...»

«Вот в книге и некоторая неясность. Семья Павлова — рыбацкая, протартаки семья. Как же могло получиться, что четыре брата были против революции, и лишь один брат и отец были за революцию...»

«Автор недостаточно вскрыл классовую сущность частей Макио. Показан лишь один момент, когда Каретников переезжает с т. Фрунзе, но не рассказано, как был взят Перепон и как после этого махновщина ушла из Перепона...»

«На всероссийском съезде советских писателей выступила мать Димитрия — Параскея Димитриева. Она рассказала о жизни матери революционера, переживавшей всю муку за своего сына и всем своим существом поддерживавшей этого сына...»

«Хотелось бы, чтобы отдельные факты гражданской войны, отдельные эпизоды партизанской борьбы были более освещены в нашей советской литературе...»

«Мне, как библиотекарю, пришлось разговаривать с читателями этой книги. Легко ли она читается? Нет. Она читательница сказала мне, что когда она прочла «Всадники» в первый раз, то книга ей не понравилась, когда же она ее перечитала, книга стала нравиться. Особенно, эту книгу надо научиться читать...»

Образы исключительной силы

«Мать и читала «Письмо в вечность» и думала о Параскее Димитриевой...»

«Очень сильное впечатление произвело на меня «Письмо в вечность» и, в особенности, образ повстанца. Он лежит в колыбели, весь в пиявках. Когда посыпались сова пиявки, и они оторвались от него, открылся его единственный глаз, который выразил прежде всего ненависть к врагу, такую ненависть, которую и смерть не может уничтожить...»

Прекрасные образы мужества и героизма

«Я не пережил гражданской войны. Был тогда маленьким. Книга Яновского дала мне яркое представление об этой героической эпохе, показала классовую борьбу, борьбу за новую власть...»

«Мне хочется обратиться с просьбой к автору: он должен со всей силой своего большого таланта дать развернутый образ матери революционера...»

Ученик-модельщик КОСТЕНКО

«Ученик-модельщик КОСТЕНКО ненавидит врага...»

«Очень сильное впечатление произвело на меня «Письмо в вечность» и, в особенности, образ повстанца. Он лежит в колыбели, весь в пиявках...»

Как надо ненавидеть врага

«Очень сильное впечатление произвело на меня «Письмо в вечность» и, в особенности, образ повстанца. Он лежит в колыбели, весь в пиявках...»

«Очень сильное впечатление произвело на меня «Письмо в вечность» и, в особенности, образ повстанца. Он лежит в колыбели, весь в пиявках...»

ИЗМЕНИ

«ИЗМЕНИ Комсомольский работник...»

«ИЗМЕНИ Комсомольский работник...»

В. ЩЕРБИНА

«В. ЩЕРБИНА...»

«В. ЩЕРБИНА...»

М. Сарьян. «Аул Ашхабад». Цветной карандаш. 1934 г.

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

НА ВЕЧЕРЕ В ДОМЕ УЧЕНЫХ

В октябре текущего года Лион Фейхтвангер, как сообщает т. Мих. Кошлов, председательовавший 1 июня на вечере в Доме ученых, прилетел в Москву.

Можно ли сомневаться в том, что эта поездка явится знаменательной вехой в биографии этого большого писателя, что непосредственное общение со страной, где рождается новый, социалистический гуманизм, где с каждым днем крепнут и пируются основы невиданной в истории демократии, ускорило крушение тех остатков идеалистических иллюзий, которые давят еще себя чувствовать в последних произведениях Фейхтвангера?

Недавняя дискуссия в Ленинграде показала, что есть у нас критики, склонные к либерализму, кроме этих «идеалистических иллюзий», в произведениях Фейхтвангера не замечать. Склонность такого рода, как и попытка умащения художественной значимости «Успеха» и «Семьи Оппенгейма», говорят о равнодушном отношении к литературе и к жизни. Нужно, в самом деле, быть очень ограниченными «профессионалами», чтобы походить в художественной оценке судьбы и тактике действий давнишних со своими обычными стандартными мерками, чтобы не заметить, что книги Фейхтвангера это не просто «литература», а потрясающие документы, свидетельствующие о том, что Фейхтвангер, при своем пути, приближается к пониманию, на которое уже перешли многие честные умы Запада — к пониманию революции.

Послушали бы эти критики, с каким теплым чувством благодарности к Фейхтвангеру говорили об объективно-революционном значении его книги на вечере в Доме ученых не только революционные писатели Гюнтер, Оттвайт, Курелла, Гунтер.

— Оупубликовать в Германии в 1930 году такую книгу, как «Успех», — заявил Гюнтер, — было настоящим подвигом, если учесть атмосферу, царившую в Германии накануне прихода Гитлера к власти.

— Фейхтвангер, — продолжал Гюнтер, — это человек, который идет на борьбу с фашизмом больше, чем все мы. Этим и объясняется громад-

ный, поистине мировой резонанс «Успеха» и «Семьи Оппенгейма». Оправды обстоятельно говорили о художественных приемах Фейхтвангера. Наиболее совершенным произведением Фейхтвангера все считают «Успех». В «Успехе», утверждает т. С. Третьяков и М. Левин, формальные приемы Фейхтвангера отличаются наибольшей осмысленностью и оригинальностью, открывая пути для новых жанровых формаций в художественной литературе.

В «Семье Оппенгейм», — говорит т. Левин, — даже недостаточная чрезвычайная поучительность: он отчетливее позволяет увидеть путь художника, все решительнее рвущего с традициями «старой школы» и с головой погружающегося в «искусственность». В «Семье Оппенгейм» с особенной силой выразилась идея, доминирующая в творчестве Фейхтвангера последние годы: идея борьбы за справедливость, за торжество человеческой морали. Это та идея, которая, по верному указанию т. Александрова, двигает лучшими, благороднейшими героями произведений Фейхтвангера, определяет их судьбу. Очень часто, почти всегда, эти герои находились в центре мучительных конфликтов и падали жертвами своего «дон-кихотства».

Но было бы неправильно, как это склонны делать некоторые литераторы, отождествлять автора с этими его персонажами. Фейхтвангер начинает все глубже и глубже оценивать объективную его действительность, все правдивее видеть растущую силу в капиталистическом обществе. Этим объясняется его активность в борьбе против фашизма, этим объясняется и большой интерес Фейхтвангера, его искренние и глубокие симпатии к тому, что делается в СССР. Промышленное выступление писателя на парижском конгрессе в защиту культуры, его выступления в СССР. Промышленное выступление писателя на парижском конгрессе в защиту культуры, его выступления в СССР. Промышленное выступление писателя на парижском конгрессе в защиту культуры, его выступления в СССР.

ДЕЛЬМАН.

КОНЦЕРТЫ ОТТО КЛЕМПЕРА

Мне рассказывали, что на репетициях Клемперер подгоняно сидел один из московских музыкантов и записывал все его замечания. Клемперер обратил на него внимание и спросил кого-то из оркестра:

— Что этот человек все время делает?

— Он записывает ваши указания.

Клемперер пожал плечами и сказал:

— Странный человек! Лучше бы он взял партитуру и выложил в нее...

... все написанное...

Если это и не верно, то хорошо придумано. Действительно, Клемперер ничего не выдумывает, он просто и убедительно пишет то, что написано в партитуре. Клемперер избегает даже старых традиционных «слушаний» в инструментальном, применяя почти всеми дирижерами при исполнении симфонии Бетховена.

В работе Клемперера — великая мудрость и великая сила. Связь тщательное выполнение авторского текста чувствуется стихийный темперамент и могучая воля этого замечательного дирижера.

Подлинный мастер шахматной игры прекрасно знает, что угроза несомненно возбудит у противника, чем угроза, приведенная в действие и тем самым создавая напряженное напряжение. То же и в музыкальном исполнении: наводя сразу

давать максимум энергии, так как у слушателя исчезает при этом напряжение ожидания, а с ним вместе исчезает и власть исполнителя над слушателем. Нужно, чтобы даже в моменты величайшего подъема слушатель чувствовал в исполнителе безграничный запас неиспользованной энергии. Когда же слушатель замечает, что исполнитель достиг своего предела, он сразу становится равнодушным и теряет способность воспринимать на себе художественное воздействие исполнителя.

Знает таких скрытых возможностей Клемперера поистине неистощимый.

В концертах 23 и 27 мая Отто Клемперер исполнил четыре симфонии (1-ю, 3-ю, 5-ю и 9-ю) Бетховена.

Особенно замечательно были исполнены похоронный марш и финал из третьей, финал первой, скерцо и финал девятой.

Мы работая выдающимися симфоническими дирижерами, и поэтому приезд Отто Клемперера, одного из лучших дирижеров нашего времени, является для нас подлинным художественным праздником.

Оркестр Всесоюзного радиокомитета прекрасно справился со своей задачей в исполнении этой программы. Очень хорошо шел в финале девятой симфонии хор Большого театра.

Г. ГОЛДЕНБЕРГЕР

народный артист республики.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БРИГАДА ПИСАТЕЛЕЙ НА УКРАИНЕ

Союз советских писателей Украины для установления более тесной творческой связи между группой европейских писателей, живущих в Москве, и украинской советской литературой пригласил в Киев П. П. Голубина, В. Малахова, В. Иллеша, Ф. Кинкаша, А. Гилана и М. Залку.

Интернациональная бригада писателей приехала в Киев 11 мая. Здесь ее встретили писатели: Любенко, Головановский, Кошленко, Микитенко, Патяк, Кондратенко, Кулик, Первомайский и м. др. Большое внимание уделить бригаде председатель союза писателей УССР т. Сенченко.

Л. Первомайский давно работает над переводом на украинский язык произведений великого венгерского революционного поэта Ал. Петфи.

Эту работу он ведет при участии т. Гилана и М. Залки. В свою очередь А. Гилан велел перевести на украинский язык произведения Швенцера, а также издать их в Венгрии или в венгерских провинциях Чехословакии. Вела Иллеш долгое время работала в Прикарпатской Украине. Сейчас он хочет вновь вернуться к украинской тематике.

Шандор Герельки, недавно вернувшийся из Чехословакии, получил там заказ от друзей СССР написать статью о национальной политике советской власти. Для осуществления этой задачи он решил писать книгу очерков об еврейских «местечках» Украины и о Калининградском еврейском национальном районе.

По предложению т. Хатаевича М. Залка примет участие в сборнике «20 лет Днепропетровщины».

18 мая писатели встретились в секретариате ЦК КП(б)У т. Н. Н. Попов. В трехчасовой беседе на широком культурно-художественном уровне обсуждалось состояние украинской литературы и культуры Украины. На карте, висевшей в кабинете секретаря ЦК, ярко обозначены не только новые гиганты индустриальной Украины, но и древние колоды, густой сетью покрывающие страну.

Ознакомившись с программой предстоящих работ интернациональной бригады писателей, т. Попов добавил, что необходимо скрепить интернациональную дружбу и налаженные связи. Была намечена спешная поездка в Киев для рабочей, красноармейской и студенческой аудитории украинского языка.

Вашей литературной вечер при участии интернациональной бригады состоялся в Киеве для рабочей, красноармейской и студенческой аудитории украинского языка.

Бригада совершила поездку по Украине.

На пароходе, — рассказав намшему сотруднику М. Залка, — мы прощались мимо трагического Три-

польды, мимо могилы народного поэта Шевченко, мимо Каиевских высот — к Черкасам. Неожиданно у порога реки, на месте бывшего села Каиев, перед нами открылся величественный ландшафт индустриального Днепродзержинска.

Состоявшаяся в Днепродзержинске встреча с заводом им. Петровского и студенческой аудиторией — прошла с большим подъемом.

Дальше бригада проехала паролдом до Запорожья. Здесь в городском театре она выступила перед работниками днепропетровских гигантов.

На следующий день бригада осмотрела электростанцию, алюминийный комбинат, шпала «Озеро Левина».

На Запорожье писатели отплыли паролдом дальше.

— Опять, — рассказывает М. Залка, — все знакомые места, боев, где каждый из нас имеет свою боевую историю. Ночью проплыли мимо Николая, где ярко горят огни новой индустрии. Никополь — памятное место. Здесь в 1920 году полагал своей подлинной храбростью Михаил Иванович Калинин, проводивший на площади города многославный митинг под боевыми артиллерийскими огнем боев. Героическое повеление всевозможного старости привело в восхождение наших бойцов.

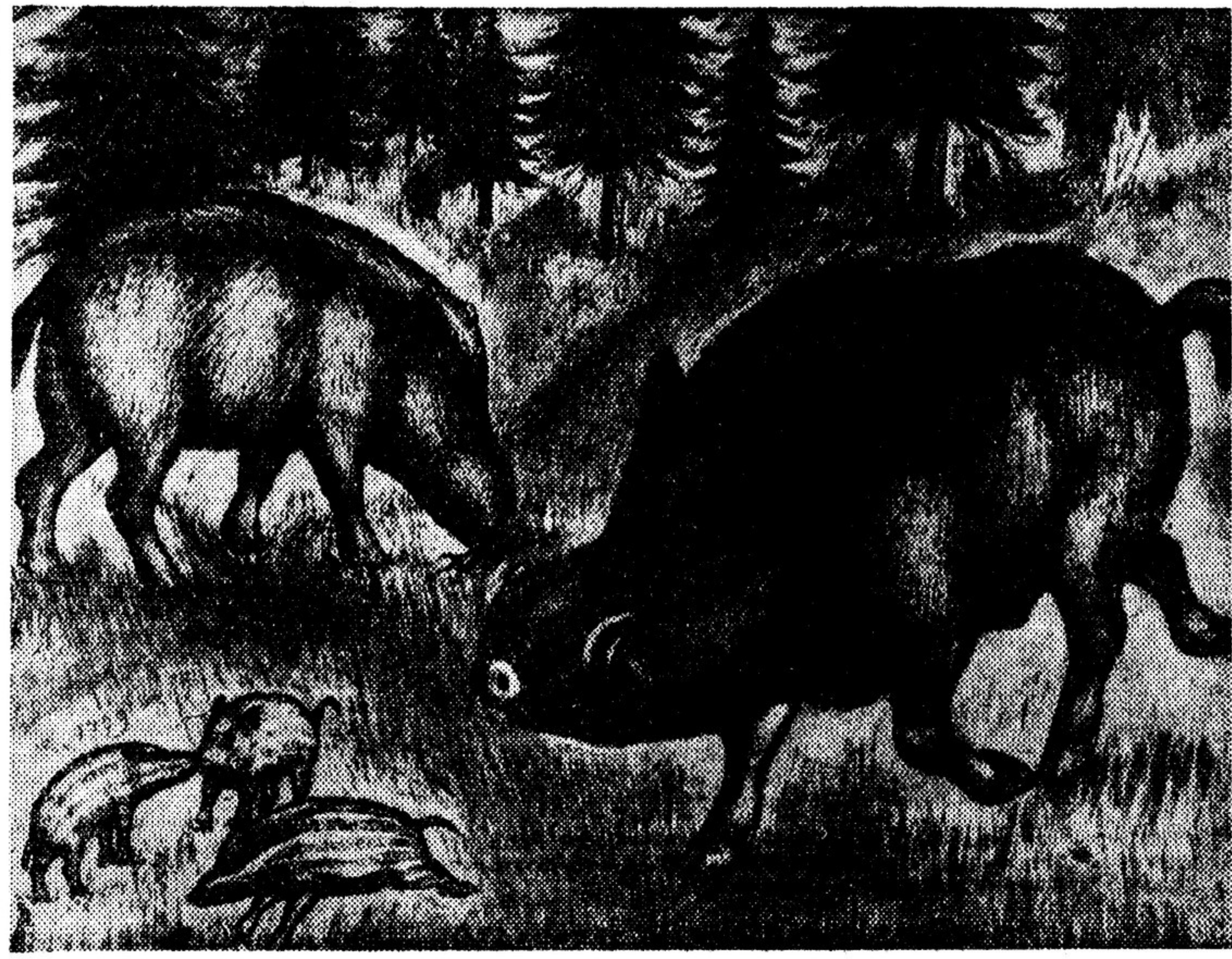
Два дня бригада провела в Херсонской области.

— Там, — говорят писатели, — мы встретили замечательных людей, энтузиастов социалистической коллективизации, сельскохозяйственных машин им. Петровского. Из бывшего индустриального предприятия вырос завод советских локомотивов. Все мы с восхищением вспоминали замечательные слова т. Сталина: «Надры старшая все». Директор завода, старший рабочий-локомотивщик т. Мельник, рассказал нам о героическом деле создания советского локомотива, который во многих отношениях «переплюнул» все существующие локомотивы.

Интернациональная бригада посетила и Одессу. Здесь писатели выступили перед городскими партийным и комсомольским активом, перед журналистами и студентами. Встретили поэтессу Голубину.

Обобщенные впечатления, воспоминания виденных, венгерские писатели, живущие в СССР, обратились с письмом к ЦК КП(б)У.

— Мы еще раз почувствовали, — говорят они, — как ценен советский читатель своих писателей. Мы еще раз убедились, что главное — это работать, творить. Главное для нас — это книги, высокохудожественные, которые читаются великой страной, победоносно строящей социализм.

Вторая Всероссийская выставка са модельных художников колхозов и совхозов. Акбаев. «Кабаны».

ПОЭТ И МУЗЫКАНТ

В. ГОРОДИНСКИЙ

Еще никогда и никто не исследовал роли поэтического элемента в музыке, и это достойно глубочайшего сожаления. Быть может, ярким светом озарились бы самые темные и неизведанные места музыкального искусства.

Если бы не мучное качество, одолевшее музыкантов всех времен, они давно поняли бы, как смешны их бесконечные споры о том, что такое музыка. Увы! Музыканты не враждуют даже едкая насмешка Гейне, сказавшего в «Нисмах о французской сцене», что мы не знаем, что такое музыка, но что такое хорошая музыка, мы знаем очень хорошо, а еще лучше знаем, что такое музыка плохая, потому что этой последней мы слышим гораздо больше, чем первой. Это не в бровь, а прямо в глаза, ибо в своем чудовищном высокомерии музыканты постоянно забывают о том, что их искусство должно быть понятно не крохотной кучке педантов, а самым широким массам. Они превращают морщась, услышав вопрос «спрашивается» — что значит эта музыка, что слышит она сказать? Между тем, мысль о бессодержательности и безмысленности музыки появилась недавно. Она была совершенно чужда античным теоретикам, она показавшаяся им неслыханной еще французам XVIII столетия. Греки не отделили музыки от поэзии, и их гимны были в равной степени музыкальными и поэтическими произведениями. Основатели оперы — флорентинцы Ринуччини, Перри, Катчини, гениальный Клавдио Монтеверди с полным основанием ссылались на драмы Вергилия, Софокла и Эсхила. Эти драмы были для греков «драмами ритмическими», как Монтеверди. Вообще же, что мы знаем о музыке античной Греции, свидетельствует о ее неразрывной и органической связи с поэзией.

Пиндар и Анакреон были такими же музыкантами, как Саккалас и Терриандр. Флейтиста Ламия была такой же поэтессой, как Сафо. Аристократ был в такой же мере теоретиком музыки, как и поэт. Музыкальный ритм греческого стиха был просто музыкаль, потому что стихи были и стихом, предназначенного только для чтения, не существовало вокале. Революция в некоторые времена возродила эти отношения музыки и поэзии, присоединив к ним еще и живопись. В самом конце XVI века возникла комбинированная опера.

Ее создала «камерата», т. е. кружок графа де Вернио, куда входили флорентинские аристократы, ученые и любители музыки, в том числе Джакомо Корси, Винченцо Галлепи, поэт Антонио Ринуччини и композиторы Перри, Катчини и упомянутый уже Эмилио де-Кавальери.

Флорентинская камерата обрвалась в борьбе с тем, что мы назвали бы теперь формализмом в музыке. Выродившись, переродившись, себя контрапунктизм и был в действительности искусством глубоко формалистическим. Великие связи о жизни и слове, о поэтическом текстом были утрачены, и все внимание композиторов контрапунктизм было обращено на хитроумные сплетения голосов. Судя, формальная ученость вытеснила поэтическое вдохновение, и даже такие композиторы, как венецианцы Меруто и Габриэли были уже совершенно безразличны к литературному тексту своих произведений. Гражданские стихи Ариосто топились в звуковом море бесстыдно, потому что музыкантам было решительно все равно, как сам строит свои алгебраические формулы. Это был самый настоящий, рафинированный формализм, и первые элементы топшанного общества обелились, чтобы востать против него. Вплоть до того, что первая опера была прежде всего драмой с музы-

кой (dramma per musica), точнее — драмой на музыку. Первенство в этой опере принадлежало не музыканту, а поэту-либреттисту. Что это не было только формой, доказывает хотя бы тот факт, что еще спустя более 170 лет после первой постановки «Дафни» Ринуччини и Перри, великий реформатор оперы Глюк утверждал, что заслуга «создания нового рода итальянской оперы» принадлежит, главным образом, либреттисту Кальдасиби, сотрудничавшему с Глюком. Нам кажется анекдотическим тот факт, что «Бизни за Паря» Гиники именовался оперой барона Розена — бездарного либреттиста, но вполне закончилось, что имена Стриджо, Ринуччини, Метастазо, Кини и Кальдасиби вошли в историю оперного искусства наряду с именами Катчини, Монтеверди, Люлли, Рамо, Глюка и др. Это справедливо потому, что на всех поворотах пункта истории музыки фигура поэта возмущалась рядом с фигурой музыканта. И наоборот, уменьшение роли поэтического элемента всегда означало упадок музыкального искусства.

Вопрос оперного либретто в наши дни вновь становится актуальным, так как несомненно, что опера снова переживает один из исторических этапов своего развития. То полусерьезное, полудомысливое отношение к оперному искусству, которое так прочно укоренилось в нас, постепенно становится торжеством в развитии оперы. Намешки над оперными неслыханиями, над всем арсеналом романтического вальора, что периодически повторялись в оперном искусстве, постепенно перенести на оперу в целом. Наши поэты, как правило, избегают работы над оперным либретто. Это очевидный результат неполноты или художественной возможности оперы в наши дни. Ее историческая роль в искусстве. Между тем анализ поэтики немецкого педагога и теоретика музыки Маттесона, один из основоположников новейшей музыкальной критики, имел все основания утверждать, что хороший оперный театр является высшей школой для многих искусств и в том числе для декламационного и поэтического. И действительно, трудно даже учесть все огромное влияние оперы, скажем, на драматическое искусство. Начиная от новейших прагматиков XV—XVI вв. и кончая гравловской-аварской тетралогией опера неизменно приковывала к себе внимание творческих элементов искусства и оставала глубокий след во всех отраслях художественной культуры. Само собой разумеется, что влияние это было взаимным. Но на известных этапах развития опера выделялась на первый план, становилась объектом жарких споров, являлась в орбит своих интересов самым разнообразным слон общества.

Обычно отклоняя предложение заняться сочинением либретто, ссылаются на познание положения либреттиста по отношению к композитору. Но это абсолютно неправильно. Ни знаменитый Метастазо, ни Кини, ни Кальдасиби, несмотря на то, что были просто слугами композитора, Кальдасиби в частности, имел известные основания утверждать, что он во многом направлял Глюка даже в его музыкальном творчестве.

Подчинение либреттиста композитору — явление уродливое, возникающее только и исключительно как результат слабости либреттиста, точнее — даже отсутствия либреттиста. Там, где композитор мечется в поисках литературного соавтора оперы и не находит его, он либо начинает кропать либретто сам, либо чаще всего отсылает литературного поара, готового изготовить за сколь угодно малое блато. Но ведь никто не считает это порядком вещей и не ду-

мает, что такое должен быть путь оперного творчества.

В истории оперы известно немало либретто, послуживших основой для музыкальной оперы, но все же наиболее правильный путь, это — непосредственное сотрудничество музыканта и поэта, единственно условием которого может быть только полное и взаимное понимание друг друга. Нужно лишь иметь в виду, что такое взаимное понимание возможно лишь в том случае, если музыкант тонко чувствует и понимает поэзию, и поэт в свою очередь также понимает и чувствует музыку. Но и это еще не все. Вагнеровские «самодельные» либретто отличаются удивительной неясностью, хотя здесь поэт и музыкант, сошавшись в одном лице, и Вагнер никак нельзя заподозрить в непонимании поэзии или музыки. Но Вагнер-музыкант неизменно брал верх над Вагнер-либреттистом, и действительное сотрудничество поэта и музыканта здесь не получалось.

Что же в таком случае может обеспечить истинно художественное качество оперного произведения, его полноту и неразрывную музыкально-поэтическую слитность? Мне кажется, что ответ на этот вопрос дает все то же великий драматический композитор Глюк: «Всегда просто и естественно старайся я в моей музыке возвысить поэзию при помощи слышимой выразительности и соответствующей декламации... Но хорошо декламировать, как это заметил Вальтер можно лишь то, что заслуживает хорошей декламации... В начальной сцене «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича у Катерины Львовны есть такие слова: «Мурдавец таскает соломинку, корова ест молоко, батраки кружатся снопиком, только мне одной делать нечего...» Это звучит поразительно глупо. Совершенно невозможно взять, что может писать музыкант в этом неясном тексте. Таких мест в «Леди Макбет» имеется сколько угодно. Такого рода поэзия никакой декламацией возвысится нельзя.

Следует подчеркнуть, что вообще либретто советских опер еще страдает от очень многих недостатков, и критика ровным счетом ничего не сделала для обнаружения этих недостатков. Можно сказать, впрочем, что либретто «Тихого Дона» Дарвинского лучше, чем, скажем, либретто «Камаринского мужика» Брика, но нужно все же учесть, что это последнее является самым ранним стихотворным либретто советской оперы. Факт остается фактом. Настоящего мастера либретто у нас нет и сейчас. Речь идет здесь только об оперном либретто. В балетном либретто у нас известные успехи достигнуты — жанр совсем особого рода, пожалуй, стоящий ближе к киноискусству, нежели к театру-драматургическому произведению.

Итак, едва ли является у нас хоть два-три поэта, считавшие себя либреттистами. От себя просят много бедствия, потому что целый ряд талантливых композиторов, меланхолически и мощно сочиняя оперы, нуждаются свои замыслы откладывать на неопределенный срок. Об этом можно только сожалеть, потому что тем и сюжетов у нас сколько угодно, и оперный театр становится одним из любимых артефактов трудящихся нашей страны. Писательская и композиторская общественность должна принять все меры к созданию кадров мастеров оперного либретто, должна объяснить, что мастерство либреттиста — мастерство важное и почетное. Нужно понять, что никакое оперное творчество невозможно без участия поэта и музыканта во имя расцвета искусства нашей родины.

ВЫСТАВКА КОЛХОЗНЫХ ХУДОЖНИКОВ

Имена художников этой выставки не известны рядовому посетителю. Значительным числом участников предшествующей, первой всесоюзной выставке самостоятельных художников колхозов и совхозов она незнакома и специалистам.

От края и области великой республики здесь представляются мастера социалистических полей. Молодежь и старики, колхозники и народные учителя, комбайнеры и студенты совхозов — висты, пером, карандашом пытаются донести до зрителя образы, рожденные величайшей в истории человечества эпохой.

Стремление это не проликовано диспутами и дискуссиями. Оно вызвано тем же могучим полемом творческой энергии вооруженного новой техникой, свободного народа, замечательным выражением которого в области социалистического труда являются движение, всемирно известное по имени добросовестного шахтера Стаханова.

Стахановы промышленности, транспорта, земледелия, опрыскивающие нормы профессорской науки, садятся за парты, чтобы вновь донести науку вперед.

Учатся и художники народа. Отличительной особенностью второй всесоюзной выставки художников колхозов и совхозов является большое количество именно ученических вещей, несомненно снижающих художественный уровень выставки, но зато свидетельствующих о стремлении художников к углубленной учебе.

Естественно, что не эти ученические работы привлекают посетителей в выставочный павильон Комитета по делам искусства в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького.

Самодельные художники, еще далекие от овладения методами профессионалов, чутким настоящим художников, опираясь на традиции народного искусства, показывая на выставке замечательные произведения. И эти произведения безошибочно находят своего зрителя.

Среди художников, знакомых еще по прошлым выставкам, вновь надо отметить Акбаева (Азово-Черноморская область), Рыкова (Московская область), Морозова (Горьковский край). Они дали большое количество работ, истерически показавших их художественные возможности. Молодой чабан Акбаев представил, в сожалею, только три небольшие работы — «Бизон», «Кабаны» и «Борьба ауторов», несомненно одними из самых интересных на выставке, хотя и повторяющих в значительной степени его же работы прошлого года.

Но наиболее интересные картины и рисунки принадлежат художникам, в большинстве случаев впервые показанным в Москве, и в первую очередь художникам национальных краев и областей.

Здесь надо назвать пейзажи К. Самутова (Северокавказский край) — «Аул в горах» и «Поселок». «В батюном колоде» (место) А. Кошленко и «Плоская чабана» (место) Юрмукмаева (Крымская АССР). Острые пейзажи Бико-Валта — «Новая Земля» (Северный край), «Нагорный» и «Детища в национальном костюме» — И. Вострикова (Воронежская область), пейзажи Н. Белонцова (Западносибирский край), «Озеро Луцкерго» и «Вывозка ялова на поля колхоза Арво» — П. Револя (Ленинградская область), «Горный пейзаж» Б. безымянника В. Черешнова (Орловская автономная область), наконец, исключительно интересную акварель колхозника Угловского райо-

на Московской области Г. Кошефарева «Пролога». Все эти работы не равноценные произведения обиднейшего исключительной самостоятельности и силы художественной индивидуальности авторов.

Заслуживают внимания и Толстов (Чувашская АССР), из работ которого, пожалуй, наиболее живописна и правдива «Девушка с гитарой»; С. Горин (Свердловская область), давний выразительный эвд «Демонстрация 1 мая», и ряд пейзажей; Беспалов (Ивановская промышленная область), показавший незаурядный творческий темперамент в произведениях «На колхозном базаре» и «Красное казачество Дона»; Горев с его тремя миниатюрными акварелями «Базар», наконец рисунок Угленко «Наблюдатели» (Московская область).

Художники колхозов полны неподдельной любовью к своей натуре. 16-летний Ш. Чингайшин (Мордовская АССР) старательно выписывает овалы мужской портрет, окружая его цветочным орнаментом, окружает в орнамент слова «Псалмист Чингайшин, молодой художник. Родился в 1919 г. 17 мая и написал большого друга». Трава пейзажа — самая зеленая, небо — самое голубое, цветы — самые желтые, солнце — красное, самые синие.

Отличительная черта почти всех работ колхозных художников — ясность миропонимания, о прельстившей четкостью выражаемая в художественном образе. Слабость живописной техники, сырой рисунок компенсируются этой замечательной правдивостью художественного зрения авторов, их творческой целеустремленностью.

Отсюда чрезвычайная сложность вопроса о художественном руководстве самостоятельным искусством.

Надо прямо сказать, что так называемый «методический отдел» выставки производит безотрадное впечатление. Похожими один на другой натюрморты, безжизненные, заляпанные рисунки, обнимающие всякое творчество, делают затопляют стены этого отдела. Создается впечатление, что делается все, чтобы оторвать народных художников от великих традиций фольклора, от замечательных памятников народного искусства. Пора понять, что стирание самостоятельных художников пол гребенку худших образцов профессионального искусства, приучать их к тотемным репентам и штампам — преступление. Такая «забота» о самостоятельных художниках, питаемая клеветническими измышлениями о «примитивности» народного искусства, может принести только вред.

Руководителям колхозных художников следует крепко запомнить исключительно верные слова, сказанные недавно тов. М. И. Каганцем на заседании президиума ЦК Союза ССР при вручении орденов мастерам украинского и казачьего искусства: «У нас много под народным покровительством примитив и пошлость, говорят — народное, так это слово брешт в калычки. Это грубая ошибка. Несомненно, самым важным влтом искусства, самым талантливым, самым гениальным является народное искусство, т. е. то, что запечатлено народом, что народом сохранено, что народ прочнее столетия. Мы понимаем, что в народе не может сохраниться то искусство, которое не представляет ценности. Народ — это все равно, что золоточестный: он выбирает, сохраняет и несет, шифрует на протяжении многих десятилетий, только самое ценное, самое гениальное».

И. АНДРЕЕВ

Сказители киргизского эпоса

О киргизских поэтах — сказителях героического эпоса — нам известно немного. Единственный раз упоминается в песнях имя мифического поэта Жапанса, который одно украинское журт воспева в поэме. Но мы не знаем, что это за поэт, кроме первых выписанных строк о богатыре Манасе. Исключительная популярность эпоса «Манас», частое изменение его могли бы сохранить имена творцов, но в киргизском эпосе традиция заматывания творческой истории была сильна, каждая сказитель мотивировал свое исполнение даром сверхъестественных сил.

«Среди киргизских сказителей, — пишет казахский писатель Ауэзов, — существовала, вынужденная даже в массам слушателей, вера в нечто. Колоссальный эпос «Манас» способствовал распространению и укреплению этой веры среди слушателей. Исключалась возможность «зачинания» эпических песен у предшественников».

В числе сохранявшихся преданий интересен сын Тынбека, одного из старейших сказителей эпоса «Манас». Тынбеке ехал на лошади на гор. Караван в свой аул. Дорогой его лошадь обессилела, и он вынужден был сделать остановку на безлюдном месте. Утомленный, он заснул. Ему приснилось, что к тому месту, где он находился, подехала группа всадников. Это был богатырь Манас со своими соратниками. Они устроили привал около Тынбека. Во время еды Манас приказал своим слугам дать Тынбеке мед. Тынбеке выпил мед, но лошади он взял медовый напиток и спугнул Манаса, они быстро снялись с места и ускакали. Проснувшись, Тынбеке пожелално для себя почувствовать прилив вдохновения. Приехав домой, он у ложа молодой жены пел мелкую ночь песни о Манасе. Так волеями в него «данный дар неслепения».

Ауэзов замечает: «В этом сне есть много вымысла, но есть и символика. Здесь мед можно уподобить нектару греческого Парнаса». Не менее интересно предание о сказителе Сатымбе, который начал петь после того, как к нему во сне явился Манас и спас его от смерти. Фабульное совпадение этих слов еще раз доказывает легендарность, героический характер сказителей, объясняет свой поэтический дар. В результате имени предшественников дарованных сказителю превращался в забвении, и факт заучивания песен отрицался полностью».

Между тем заученные песни передавались из поколения в поколение, от одного сказителя к другому, впитывая в себя индивидуальные особенности каждого сказителя, специфичные времена.

Действительное влияние на творчество сказителей оказывала слушательская среда. Эпос являлся народным, в нем воспевались народные герои и их поступки. Отдельные места в исполнении певцов-импровизаторов были хорошо известны среди народа. Певцы, издавая верушки не раз использовали «Манас» как острейшее идеологическое оружие, удерживавшее прогрессивную мысль.

Содержание эпоса «Манас» таково: богатырь Манас побеждает всех хаюв и изгнывает завоевателей новых земель и щедро одарит своих воинов. В последующих частях эпоса воспеваются сила и красота его сына Семетей. Особенно интересны описания своеобразной природы Северного Китая и удивительных качеств героев-полководцев. Только первая часть эпоса составляет 60 тысяч строк.

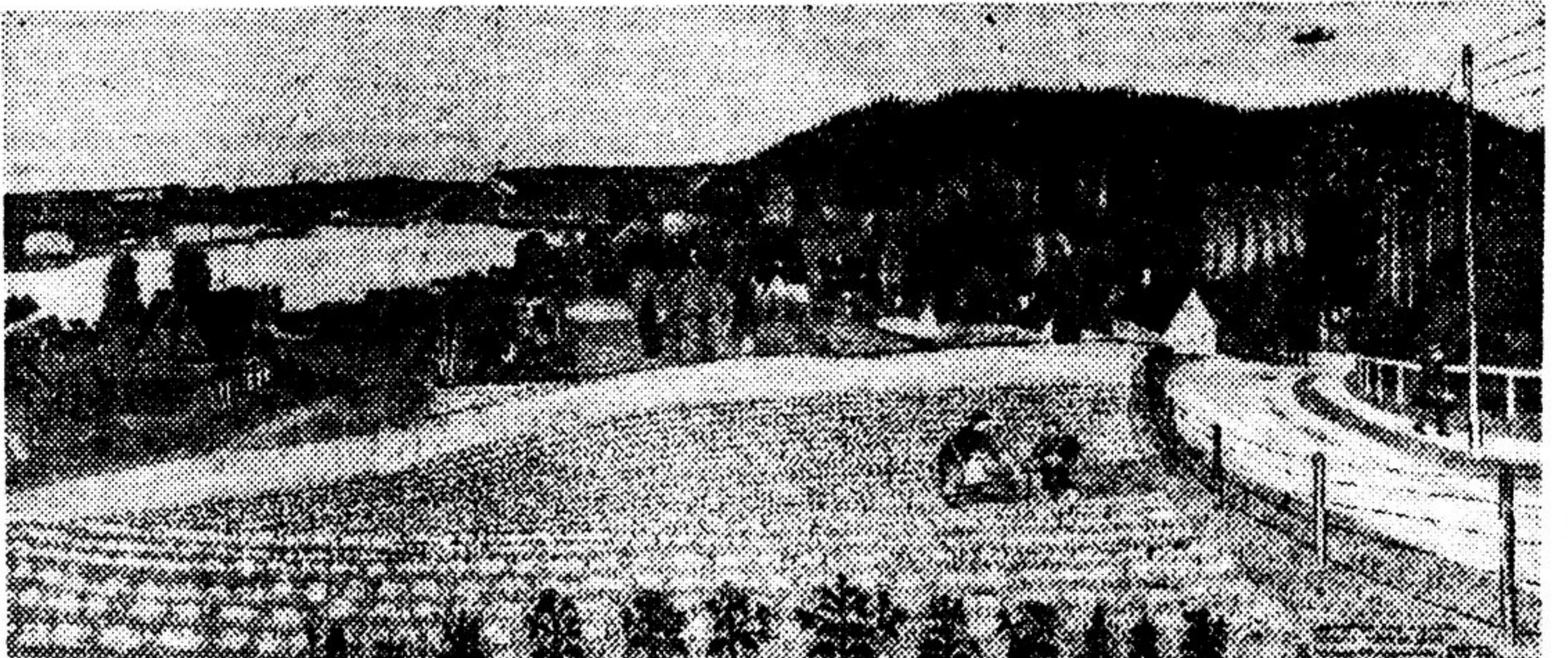
Первому перевод отрывка из эпоса «Манас».

ЧЕТ-БЕИЖИН

Та земля богаче царства
Влеском вод, прохладой туч,
Улывающихся за запад,
Усталяя солнцу путь.
Деревца дымят гордо
Шанки листьев в небо, ввысь —
Вырастают великаны,
Великаны-минералы,
Великаны — тополя.
По краям потоков бурных.
По полям, росой покрытым,
За зелеными холмами
Расстилаются сады.
А в садах плоды громадные,
Не нашлись бы их громадей.
Не нашлись бы их солнце
Ни в какой другой стране.
Не дремучий зо зверьями,
Город славыи с крепостями,
Украшения, бронза, алато
Всехтану отланы.
Город тот народ построил
И сады развел народ.
И народ асеед землю:
На равнинах чай душистый.
На низинах рис посеед.
Многочисленный народ.
Чет-Бейжин земля той имя,
Той земля владет и я.
Управлял я тем народом,
Покорял я племена.
Но ушел я, все оставив,
И забыл родной Бейжин.

В последние моменты дннваст проф. Подвинов проводит большую исследовательскую работу по «Манасу». Научно-исследовательский институт в г. Фрунзе подготавливает и изданию эпоса «Великий поход». Существенную помощь в этом оказывают сказители Кыралаев, живущий в северной части Киргизии.

Ф. ОШАКЕВИЧ

Вторая Всероссийская выставка са модельных художников колхозов и совхозов. И. Мацеглейн. «Озеро Дудергоф» (масло).

По издательствам

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Вновь назначенный директор издательства «Советский писатель» т. Лазарь...

Прежде всего, — сказал нам т. Лазарь, — необходимо пересмотреть тематический план издательства...

Второй вопрос, стоящий в центре внимания не только издательства, но и всей литературной общественности...

Для повышения квалификации редакторских кадров «Советский писатель» предложил Союзу писателей средства для создания специального факультета общественных наук...

Е. КОСТРОВА

ДЕТИЗДАТ УКРАИНЫ

В первом квартале текущего года Детиздат при ЦК ЛКСМУ выпустил 42 названия...

Из оригинальной литературы для дошкольников вышли: две книги П. Зибиды — «Шары, круги, кубики» и «Челюстная победа»...

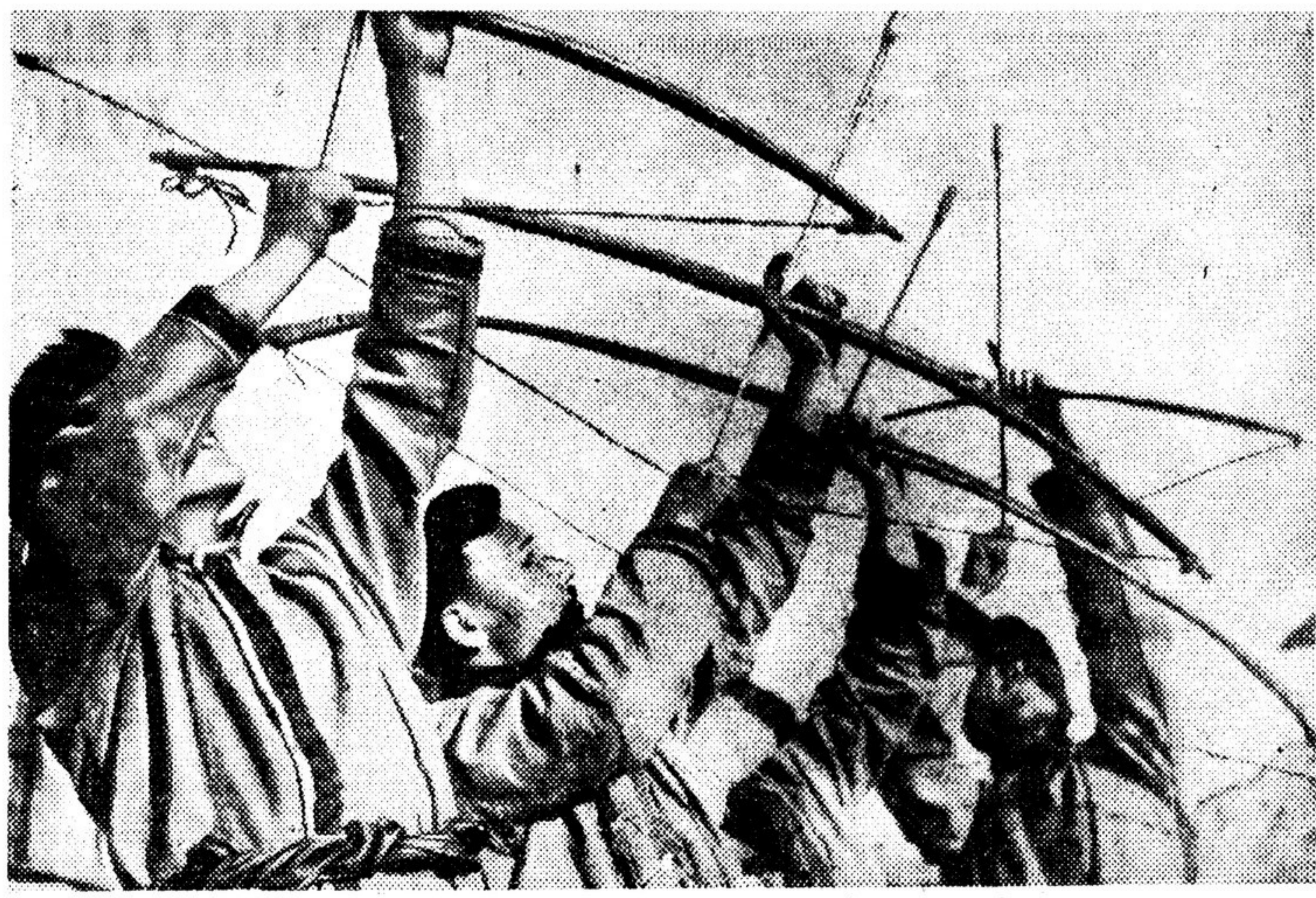
Из оригинальных произведений для детей старшего возраста отмечены: «Приказ командира» М. Скавбана...

Значительное место в плане Детиздата Украины занимает историческая серия «В. В. Куйбышев»...

„ДЕНЬ МАЯКОВСКОГО“ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА ИМ. ГОРЬКОГО

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького был полон 30 мая. Но гуляющие не поозеревали в это время как они всегда...

Неудача постигла исполнителей, выступавших на вечере Маяковского в Зеленом театре. Исключения составили С. Третьяков...

Организованный в прошлом году при Институте народов Севера в Ленинграде национальный театр поставил пьесу студента-эвенту А. Салпалатина «Двое юнцы»...

ЗАВЕТ ГЕРЦЕНА ВЫПОЛНИЛИ

2 апреля (20 марта ст. ст.) 1862 г. состоялось «торжественное возобновление» Вятской публичной библиотеки...

ПИСЬМО ИЗ КИРОВА

Но в книге не одно прошедшее, она составляет документ, по которому мы видим во владении настоящего...

Завещание Герцена выполнено. Советская власть превратила Вятскую публичную библиотеку в один из крупнейших библиотечных центров страны...

По переписи 1935 г. книжный фонд библиотеки имени Герцена составлял 680.000 томов. Библиотека была коренным образом реконструирована в 1929 г.

Край имени Сергея Мироновича Кирова вправе гордиться замечательной сокровищницей мысли — своей библиотекой, прадщницей в будущем году столетия со дня основания ее великим русским мыслителем.

А. МОРОЗОВ

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА Д. С. МООРА

18 июня в центральном зале Всесоюзного музея открывается выставка произведений художника Д. С. Моора...

На выставке — около 450 рисунков и 50 плакатов, в том числе: 100 плакатов на политические деятели, плакаты эпохи гражданской войны...

Обсуждение книг на предприятиях. Массовый отдел издательства «Советский писатель» устраивает в июне обсуждение книг советских писателей на московских предприятиях.

13 студентов сдали экзамен на «отлично» и были премированы книгами Шиллера, Байрона, Дефо и других классиков мировой литературы...

В Литературном институте ССП СССР

Московский комитет ВЛКСМ объявил в прошлом году молодежный конкурс за овладение иностранными языками.

В ответ на это комитетом Комсомола Вечернего института при ССП СССР создан сект кружков, охвативших 160 студентов.

Каждый из экзаменовавшихся не только читал и переводил незнакомые ему тексты, но делал небольшой доклад на тему, предложенную комиссией.

15 июня кружок репетирует с читателями изданий «Советского писателя» — проведет беседу о книге В. Пильняка «Мясо».

От наших корреспондентов

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В институте литературы Академии наук СССР открылось совещание московских и ленинградских литературоведов-западников...

Писатели и поэты Сеид Гусейн, Самед Вургун, Мехти Гусейн и другие поделились с начинающими авторами своим творческим опытом.

Сочи. (Наш корр.). Отдыхающий в Сочи писатель А. С. Новиков-Прибыло провел беседу в литературном кружке клуба им. Профгитерия.

Товарищ редактор! Еврейский рабочий клуб г. Тулы решил устроить 23 мая вечер, посвященный 20-летию со дня смерти еврейского писателя Шолом-Алейхема.

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЕЙ

22 мая клуб, не получая ответа от секции, списал по телефону с т. Нусиновым, который заявил, что письмо получено им только 21 мая...

Клуб провел большую работу по организации вечера, подготовил силами самостоятельности художественно-литературную программу...

Оказывается, о поездке т. Хашина в Ленинград никто из секции, в том числе сам т. Хашина, не стал сообщать клубу...

Считая такое наплевательское отношение к советскому читателю безобразнейшим фактом, кстати не единичным, мы просим редакцию «Литературной газеты»...

Рабочие Тулы, уважающие и ценящие своих советских писателей, требуют достойного ответа от редакции.

Стахановцев завода им. Балтнева ЛИНАХ.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

Стахановцев Металургического завода НКПС ШАРФШТЕЙН, Рабочий артели «Фрай-Лейб» ШЕЯНГЕЗИХТ.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

От редакции. «Литературная газета» считает совершенно недопустимым такое безответственное отношение со стороны еврейской секции ССП СССР и отдельных товарищей к интересам рабочего читателя.

РЕПИНСКАЯ КАРТИНА «ПУШКИН НА ЭКЗАМЕНЕ»

На выставке «Передвижников» в 1912 году впервые была показана картина И. Е. Репина «Пушкин на экзамене»...

Правление Союза Советских Писателей СССР выражает соболезнование члену Правления ССП СССР П. А. ПАВЛЕНКО по поводу преждевременной смерти жены и друга.

Ирины Евгеньевны ПАВЛЕНКО. Правление ССП СССР.

Редакция «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование Петру Андреевичу Павленко по поводу преждевременной кончины его жены и друга.

Ирины Евгеньевны. Сотрудники журнала «Колхозник» выражают глубокое соболезнование т. П. А. Павленко по поводу преждевременной смерти.

Ирины Евгеньевны ПАВЛЕНКО. Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ НА СЕРИЮ „ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ“

Вышла из печати и рассылается подписчикам первая книга серии „Ледяной дом“ И. Лажечникова.

Очередные книги: „Слава Дон Рамира“ — В. Баретта, „Ипатия“ — Ч. Кинглей — находятся в печати.

Государственное издательство „Художественная литература“

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ЖУРНАЛ КРАСНАЯ НОВЬ

№ 5 (май) СОДЕРЖАНИЕ: Валентин Катаев — Беллет парус (роман), Георгий Деслер — О берегах Иордана (стихи), перевод с грузинского С. Клычкова...

Государственное издательство „Художественная литература“

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ЖУРНАЛ ОКТЯБРЬ

№ 5 (май) СОДЕРЖАНИЕ: Роман Роллан — Из «Дневников молодых лет», Анатолий Галин — Господин Филекс (роман продолжение), ч. 3-я...

Гос. изд. „Художественная литература“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 2-е полугодие 1936 года на литературно-художественные журналы:

«КРАСНАЯ НОВЬ» Ежемесячный журнал художественной литературы, критики и публицистики.

«НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ» Ежемесячный в СССР иллюстрированный ежемесячный журнал художественного очерка.

«ОКТАБРЬ» Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

«КРИТИК» Ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы.

«ЗНАМЯ» Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» Критико-библиографический двухнедельный про журнале «Литературная газета».

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК» Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

«РАБОЧИЙ И ТЕАТР» Двухнедельный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам театра, музыки, кино, цирка и эстрады.

Подписка принимается: отделениями, магазинами, kiosками и уполномоченными КОГИЗ'а, а также непосредственно в главной конторе КОГИЗ'а (Москва, Маросейка, 7) и всюду на почте.